

Путёвая серия

Лев Дуров

Байки из Закулисья

ЛЕ

PN
2728
.D85
A3
2008b

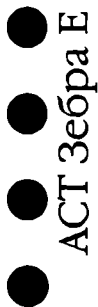
e

Путёвая серия

Лев
Дуров

*Байки
из Закулисья*

АСТ Зebra E

Новые байки

УДК 792.03(470+571)"19"(093.3)

ББК 85.333(2)бю14

ДВ4

Оформление художника Андрея Рыбакова

Подписано в печать 15.04.08. Формат 70х90 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 9,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 4551.

Дуров, Лев

**Д84 Байки из Закулисы : новые байки / Лев Дуров. —
М.: Зебра Е, 2008. — 224 с. — (Путёвая серия)**

ISBN 978-5-94663-639-1

© Рыбаков А., оформление, макет 2008

© Издательство «Зебра Е», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

АКАДЕМИЯ ТРАВИЛЬЩИКОВ	9
ПРОБЫ ВОЗДУХА	14
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫПАД	21
ВЫГОВОР ЗА КОЛБАСУ	24
КЛИЗМА ОТ ЕФРЕМОВА	27
РОТМИСТР БРЯНСКИЙ	30
ЛЕНИН И БРЕВНО	33
ОРДЕН «ЛЬВА И СОЛНЦА»	37
КИСЛОРОДНОЕ ОТРАВЛЕНИЕ	48
ДЕНЬГИ НА ВЕНОК	55
НОВАЯ ЖИЗНЬ	59
ПЛЕМЯННИК КЛЕМЕНТА ЕФРЕМОВИЧА	62
«ОТ СУЛЕЙМАНА ВАМ ПРИВЕТ!»	68
«НЕМЦЫ! СРЕДИ ВАС ЕВРЕЙ!»	70
БРАТЯ УЛЬЯНОВЫ	73
ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦЕНТРА	75
СРЕДСТВО ОТ ОБЛЫСЕНИЯ	84
ВНУК ВРАНГЕЛЯ	87
ЗЕЛЁНАЯ КОЗА	91
КОНТРАБАНДА	94
ШУРУП ВЫШЕЛ	98
УРОКИ УЗБЕКСКОГО	100
ПАЛЁНЫЙ МАТРАЦ	104
ГОРЯЩИЙ ЛЕМУР	106
ИСЧЕЗНУВШИЙ ДИВАН	115
НЕ НАГРАДНОЙ ДЕНЬ	122
«ТОЛСТЕЕ» ТОЛСТОГО	125

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Николаевич и милиционер	129
Приглашение в Голливуд	133
Котозаяц	136
Медвежья охота	144
Навозный барельеф	147
Лающая корова	149
Околдованный мустанг	151
Родился в рубашке	155
«Лобов! Трусы держи!»	159
Мой вклад в футбол	163
Брат ветра	166
Человек-розыгрыш	169
«Коля! Мяу!»	175
«Янки! Гоу хом!»	178
Бесплодный эрудит	180
Червонец	185
Заграничная мука	188
Коммунальные удобства	191
Сюрприз на Новоселье	193
Стихи о Ленине	197
Гастролёры	202
Волжская водица	211
Опасная профессия	215

Театральные байки существуют, наверное, столько, сколько существует театр, потому что у театра, я думаю, даже не две, а несколько жизней: самая главная, основная – это сцена, вторая – это репетиционный зал, а третья – это замечательная закулисная жизнь. И чем интереснее и сложнее театр, тем интереснее вот эта третья жизнь, которая состоит из баек, из историй, которые во многом составляют лицо этого театра.

Я думаю, что первые байки появились еще в театре древней Греции. Не даром античный театр символизируют две маски – одна трагическая, а другая улыбающаяся, комическая. Трагедия и комедия – их соединение в театре и есть его основа.

АКАДЕМИЯ ТРАВИЛЬЩИКОВ

Мне повезло – первым моим театром был Центральный детский театр. Нигде больше я не встречал такой бурной закулисной жизни.

А театр этот был тогда одним из лучших. Там работали Эфрос, Иванов, Кноблах, Шахазизов – один из старейших и мощнейших театральных директоров, а про труппу я уже и не говорю – Ефремов, Куприянова, Анофриев, Воронов, Чернышева, Коренева – всех и не перечислишь.

Была в этом театре официально назначенная закулисной жизнью так называемая Академия травильщиков. Для того чтобы

быть избранным в нее, нужно было рассказать историю, в которую бы все академики поверили. И если кто-то говорил: «Не верю», претендующий на столь высокое звание должен был доказать правдивость своего рассказа.

Собирались обычно в гримуборной перед спектаклем, когда все уже были в гриме и костюмах. Особенно выразительно это выглядело, например, перед спектаклем «Борис Годунов», когда среди академиков можно было увидеть царя-батюшку в бармах и шапке Мономаха, сурового патриарха, бродяг-чернецов Мисаила и Варлаама, князей и бояр в роскошных шубах. Это надо было видеть! И у каждого была своя определенная тема: у одного – медицина, у другого – любовные истории, у третьего – кино...

Истории рассказывали по очереди.

Вот князь Шуйский убеждает всех, что у Анки-пулеметчицы были интимные отношения с Василием Ивановичем. Доказательства? Пожалуйста. И князь начинает анализировать сцену, где Петька объясняет Анке устройство пулемета, а сам кадрится к ней. И тут на самом интересном – затемнение. Ведь в те времена интимные сцены не показыва-

ли. Но! В следующем кадре появляется злой, как собака, Чапаев. Ему уже наверняка обо всем доложили, и он не находит себе места. Его, как Отелло, гложет яростная ревность! Возражений нет. Убедил.

Была у нас артистка Струкова. Она играла всех Баб-Яг. Как-то она рассказывала:

– Пришла я однажды к врачу. А тот что-то пишет и, не глядя на меня, говорит: «Раздевайтесь». Я зашла за ширму, разделась и вышла. Врач поднял голову и чуть не свалился со стула. «Боже, – говорит, – что с вами?..»

Это была потрясающая Баба-Яга. И вот она тоже пришла в Академию и говорит:

– А я вчера видела розовую собаку.

И кто-то с ходу сказал:

– Не верю.

– Да? – улыбнулась она своей очаровательной улыбкой. – А я сейчас пойду с вами и покажу то место, где стояла эта розовая собака.

И такого доказательства было достаточно.

За актером Устюговым были наивные новеллы.

– Вот я сижу вчера на берегу реки и ужю рыбу, – рассказывает он. – У меня была сигарета в зубах. Незаметно я задремал и упал в воду. Гляжу, а я уже на дне! И сигарету курю.

И на этот раз никто не сказал: «Не верю», потому что он взял бы с собой свидетелей, пошел и показал тот берег, на котором он сидел.

Я попал на заседание Академии, как только пришел в театр.

– Ну, Дуров, – спрашивает председатель, – есть у тебя что-нибудь?

– Есть, – говорю. – Вот тут шофер ехал по горной дороге, потерял управление, выпал из кабины, зацепился челюстью за дерево и его оскальпировало. Потом его нашли, починили и сейчас он жив-здоров и снова за рулем.

Все вытаращили глаза, а председатель и говорит:

– Прости, старик, ты у нас первый раз, но мы тебе выражаем общее недоверие.

Очень я тогда обиделся и побежал на почтамт звонить в Винницу, где я прочитал эту статью: «Срочно вышлите Медицинский вестник». И мне прислали. Я пришел на следующее заседание и положил им журнал на стол – вот!

А там сидели Ефремов, Печников, другие известные артисты. Они просмотрели статью, изучили чертежи, по которым восста-

АКАДЕМИЯ ТРАВИЛЬЩИКОВ

навливали человека, и вынуждены были признать, что я оказался прав.

– Быть тебе, Дуров, председателем.

И ведь что интересно: не мальчишки играли, а взрослые люди, известные на всю страну артисты. И играли серьезно, по-настоящему, без тени улыбки.

Иногда заходил Эфрос, останавливался в дверях и слушал. Но он не участвовал в заседаниях, потому что был человеком слишком серьезным и прекрасно понимал, что тут же проиграет. А мы что? Так, вроде скоморохов.

ПРОБЫ ВОЗДУХА

Я тогда не знал еще, что такое розыгрыши – Школа-студия МХАТ, которую я заканчивал была достаточно серьезным заведением, хотя и там появлялись диссиденты. Ими были Петр Фоменко, ставший потом известным режиссером, спектакли которого с успехом идут и у нас, и за рубежом, Саша Косолапов и Гена Павлов, который потом стал режиссером на телевидении.

Они не были политическими диссидентами – они первыми выразили некий протест против того зашоренного общественного регламента, по которому жили люди. Он их

бесил, и они придумали свой образ жизни, свои нормы поведения.

Когда они входили в Школу-студию, то поднимали руки (а у каждого тогда был фибровый чемоданчик с книжками, тетрадками, полотенцем и всякой мелочью), роняли чемоданчики, бежали вперед животами, ударялись ими друг о друга, падали навзничь, лежали несколько секунд, потом вставали и дули друг на друга. А когда они дули на кого-то, то это означало, что они уважают его. И шли на лекцию.

Они никогда не улыбались. И уже не могли играть нормально отрывки из любого автора, будь то Шекспир, Островский – не имело значения. Они читали текст с мертвыми лицами, на сцене дули на своих партнеров, и все это производило странное впечатление. Очень странное.

Петю Фоменко отчислили, Саше Косолапову вроде дали закончить Школу-студию, и он тут же попал в театр им. Станиславского. Это был высокий роскошный брюнет, очень красивый. И вот премьера спектакля, в котором Саша играл главную роль. Саша выходит на сцену и не говорит ни слова. Вообще он был непонятным человеком: ни-

когда нельзя было понять, сколько в нем «сидит» – или вообще ничего, или литр. Это не отражалось ни на его лице, ни на речи, ни в жестах.

Так вот он вышел на сцену и молчит. Партнеры стали подсказывать ему текст. Саша молчит, опять подсказывают, опять молчит, потом тихо говорит:

– Да замолчите вы! Все я прекрасно знаю...

Вышел на авансцену и уже громко в зрительный зал:

– Скажите, вам не стыдно это смотреть? – Повернулся к своим партнерам и спросил: – А вам не стыдно это играть? Занавес закройте, пожалуйста.

А они должны были играть какую-то современную пьесу. Разразился жуткий скандал, который кончился тем, что по всем театрам Советского Союза было разослано предписание: артиста Косолапова не принимать на работу ни в коем случае. Как актер он пожизненно дисквалифицировался за хулиганские действия на сцене.

Потом оказалось, что Саша – прекрасный художник-иллюстратор. Он выпустил массу книг со своими изумительными рисунками.

Как-то я встретил его на улице. Он шел, махая руками, как крыльями, имитируя полет орла и чуть подпрыгивая, как птица при разбеге. То ли он начал играть, когда увидел меня, то ли он все время так шел – не знаю.

Я сказал:

– Саша, здравствуй!

Он что-то пробормотал невразумительное:

– А...а...а... – и показал ребром ладони на свой рот. – Нет-нет-нет, Левочка! Боюсь, что расплескаю... Я полетел!

И он «полетел» дальше. Вся улица с изумлением смотрела на него.

Но было это много позже. А когда мы учились в Школе-студии МХАТ, эта тройка вытворяла черт знает что.

Вдруг кто-то прибегает и говорит:

– Ребята, на улице Горького скандал: наши там такое вытворяют! ... Их сейчас заберут в милицию!

Мы, конечно, бежим туда и видим: на трех липах на улице Горького сидят наши добры молодцы. Они по-настоящему жрут кору, а милиционеры пытаются стащить их с деревьев. Саша Косолапов отбрыкивается от них ногой и бормочет: «Не троньте меня! Не ме-

шайте! Я белочка! Я белочка! Я голодная белочка!» – и продолжает жрать кору.

Петя Фоменко верещит:

– Я зайчик! Я зайчик! Не трогайте меня – я голодный бедный зайчик!

Гена тоже что-то выкрикивает и жрет кору.

Их все-таки стащили и, как мы ни просили не забирать ребят, их увезли в «полтинник» – известное 50-е отделение милиции. Мы побежали туда. Не прошло и нескольких минут, как их выпустили и милиционер сказал:

– Всё-всё-всё! Сейчас их развезут по домам, и – всё!

Оказалось, что в кабинете начальник обвинил их в том, что они создали аварийную ситуацию на проезжей части центральной улицы Москвы. «Что вы вытворяете, сукины дети?!» – стыдил он их. Те молча и тупо смотрели на него, и он растерялся. Потом они все трое синхронно ударились затылками о стену, наклонились над столом и выпустили огромную лужу слюны. Начальник заорал на своих подчиненных:

– Не видите, кого вы мне привезли?! Они все больные! Развезите их по домам! Мне что, за них отвечать?

Ребята подули-подули на этого начальника, сели в милицейскую машину, и их развезли по домам.

Прошло какое-то время, и опять кто-то прибегает и кричит:

– Ребята, выручайте! Будет большой скандал!

Мы снова бежим на улицу Горького и видим: Саша Косолапов лежит посреди дороги на животе и расставляет поперек проезжей части аптечные пузырьки. Где они их взяли, не знаю. У Гены Павлова был огромный мешок с этими пузырьками. Он доставал их по одному и передавал Саше, а тот перегораживал ими улицу Горького. А Петя Фоменко руководил уличным движением:

– Товарищи, товарищи, обходите, пожалуйста! Машины, объезжайте, объезжайте! Мы берем пробы воздуха! Берем пробы воздуха!

Пешеходы обходят, машины тормозят или объезжают. Ребята так убедительно разыгрывали эту сцену, что им нельзя было не поверить: люди действительно занимаются серьезным делом. И когда поток машин запрудил улицу и движение прекратилось, Саша и Гена разбросали эти пузырьки ногами и стали кричать:

Лев Дуров

– Всё, товарищи! Движение открыто! Проезжайте, проезжайте!

Никто не понял, что произошло и где милиция. А они, довольные тем, что закончили такую сложную работу, спокойно пошли гулять.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫПАД

А история, которая случилась с тремя друзьями в 1951 году, могла закончиться очень даже плачевно.

Секретарем комсомольской организации у нас в Школе-студии был Шестаков, ленинградский парень, настоящий долдон. И эта тройка очень его не любила. А Шестаков носил огромные ботинки, кажется, 46-го размера. После занятий он ставил их у шведской стенки и прыгивал с нее прямо в ботинки. И однажды после танцев, как обычно, Шестаков спрыгнул в ботинки и – замер. Потом сказал:

– Я все понял: это политический выпад..

Он пошел к директору студии Радомысленскому и сказал:

– Они мне написали в ботинки как комсомольскому вождю. Это политический выпад.

И Радомысленский вызвал проказников к трем часам к себе в кабинет. И вот ровно в три часа Гена распахнул дверь Радомысленского, и Фоменко с Косолаповым в позе «Рабочего и колхозницы» большими скачками подскочили к столу директора и сказали:

– Именем Сталина клянемся, что не мы писали Шестакову в ботинки!

А ведь Сталин-то еще был жив! Радомысленский потерял дар речи, понял, что он уже в Сибири и ребята эти в Сибири. («Что здесь у вас за воспитание?! Что это за работа проводится с молодежью?!») И он уже представил себя на руднике, закованным в кандалы, добывающим уран или еще что похуже. И он обреченно сказал:

– Вон...

Ребята подули на него и опять же скачками выскочили в коридор.

Радомысленский не выходил из кабинета, наверное, часа два, – видно, решал, что с ними делать. Он понимал, что, если предаст это гласности, его тоже нет вместе с ними. И он

принял мудрое решение: сделал вид, что вообще ничего не было, ничего не произошло. Не было – и все! Таким образом, все остались живы и здоровы.

И вот несколько лет назад я встретил уже известного режиссера Петра Фоменко на улице. Он страшно обрадовался:

– Левочка, как я рад тебя видеть!

Мы обнялись, поговорили о делах, и пришло время нам прощаться. Я пожелал Пете успехов, он пригласил меня на свой спектакль, сказал «прощай». Потом неожиданно снял с ноги ботинок и кинул его вверх. Ботинок описал дугу и упал на карниз над вторым этажом.

– Петя, – сказал я, – что ты делаешь?

– Левочка, – воскликнул он, – это все равно не омрачит мне встречу с тобой!

И в одном ботинке пошел по улице, помаhal мне рукой и завернул за угол.

А ведь со студенческой поры прошло столько лет!...

ВЫГОВОР ЗА КОЛБАСУ

Надо сказать, что Олег Николаевич Ефремов, будучи ведущим актером и режиссером, тоже очень сильно любил валять дурака. Мы играли с ним в спектакле «В добрый час», который принес славу детскому театру, режиссеру Эфросу и всем актерам, которые принимали в нем участие.

Вот у меня сохранилась фотография с одного из премьерных спектаклей, на котором участники и гости. Бабочкин, Михалков старший, Утесов, Марецкая, Жаров – это гости одного только спектакля.

Надо сказать, что первое мое появление в спектакле «В добрый час» было такое – я вбежал в квартиру и говорил: «Ой, Алешка, чуть не опоздал». А Алексея играл Ефремов. И каж-

дый раз, когда я открывал дверь и не успевал еще произнести реплику, он мне тихо говорил: «Колбаса». А надо сказать, что на сцене чем глупее острота, тем она смешнее. Я начинал смеяться (что в закулисье называется «колоться»).

И вот на каждом спектакле он мне это тихо говорил. Я его умолял:

– Олег, это же у меня больное место, ну невозможно, не надо. Ну, ты видишь, я не выдерживаю, смеюсь, потом мне сколько времени надо, чтобы собраться. Думаю, что уже и зрители начинают замечать.

А он, собираясь в очередной раз на сцену, говорил мне:

– Дуров, знаешь, когда ты опять сегодня выбежишь, я тебе опять скажу «колбаса».

Я его умолял, умолял, пока однажды не подошла ко мне Людмила Сергеевна Чернышева и не сказала:

– Левочка, я тоже была жутко смешливая в молодости. Тут надо себя пересилить, однажды разозлиться и не рассмеяться. Или что-то сказать в ответ.

Я решил послушать ее совета. Долго думал, что же мне сделать. И придумал. На очередном спектакле я выбежал на сцену, и как

только Ефремов начал открывать рот со своей дурацкой колбасой, я не дожидаясь его реплики, сказал ему: «Ливерная!».

Трудно себе представить, что такое может случиться с опытным артистом. Он взвыл, лег на сервант и стал кричать «Не могу! Не могу! Закройте занавес!».

Занавес закрыли. На следующий день Шахазизов вызвал меня на ковер (а у него на самом деле в кабинете лежал ковер). Я встал на этот ковер – он даже не предложил мне сесть, а начал говорить:

– Как же так, вы молодой актер, думаете, вот вас похвалили в нескольких рецензиях и вы уже Бога за бороду схватили? Вы вчера рассмешили на сцене мастера, нарушили художественную целостность спектакля.

Я стоял и молчал. Потому что рядом стоял Олег Николаевич и не произносил ни слова, всем своим видом показывая, что не понимает, как такого мерзавца как я вообще взяли в труппу. Нет, он ничего не говорил, он просто стоял и молчал.

Через полчаса вывесили приказ, где мне был объявлен выговор за то, что я нарушил художественную целостность спектакля, рассмешив О.Н. Ефремова.

КЛИЗМА ОТ ЕФРЕМОВА

Надо сказать, что Олег Николаевич, при том, что он уже тогда был очень известным и грандиозным актером, мог не только валять дурака но и выкидывал жуткие номера.

В театре у репконторы был такой предбанник, в котором всегда сидели актеры, ждали нового расписания, узнавали время репетиций.

Однажды, когда там сидели все корифеи – Сперантова, Коренева, Чернышева, Воронов, Перов, там появился Ефремов, постоял-постоял и говорит:

– Что-то писать хочется. Пописать что ли?

И повернувшись ко всем спиной, стал писать на стенку. Всех разбил паралич. Все оне-

мели, потому что такого безобразия и такого хамства никто не ожидал. Корифеи вскочили и с криком «Вот они актеры современные! Безобразие!», разбежались. Олег Николаевич застегнул ширинку и отправился куда-то за кулисы.

Он вошел в гримуборную к Матвею Семеновичу Нейману (а у Неймана был устрашающий вид – бритая голова, выдвинутая вперед челюсть). Он как раз разгримировывался и мылся над раковиной. Олег Николаевич отодвинул Неймана и стал писать в эту раковину. У Неймана лысина сначала побагровела, потом посинела, он заорал:

– Это что такое? Этого не может быть! Рядом с моим лицом! Боже мой!

И тоже куда-то убежал. Олег пошел дальше и вошел в гримуборную, в которой сидел Чумак, родной брат Алана Чумака, который нам последние годы морочил голову. Он сидел за гримировальным столом по пояс голый, разгримировывался. Олег опять подошел к раковине и стал в нее писать. Чумак взревел:

– Это что такое!

Олег развернулся и полосонул струей вдоль его огромной атлетической спины. И началось. Чумак заорал «Убью!», Олег вы-

скочил в коридор, они стали дергать дверь за ручки туда-сюда. Потом Олег оторвал ручку, упал на пол, вскочил и побежал по коридору. Чумак выскочил со стулом в руках. И тут неожиданно Олег развернулся, левую руку выставил ладонью вперед, а правой стал судорожно ковыряться в ширинке. И неожиданно выдернул оттуда огромную клизму. Потом выяснилось случайно, что она была приготовлена для какого-то спектакля в бутафорском цехе. Он придумал вот такой идиотский ход, наполнил клизму водой и засунул себе в брюки.

К тому времени уже разразился скандал, его вызвали к Шахазизову и тот сказал:

– Да, Олег Николаевич! Ведущий актер, мастер... Боже мой, Вам не стыдно? Какой пример даете молодым? А еще жалуетесь на Дурова!

РОТМИСТР БРЯНСКИЙ

Был у нас в Центральном детском театре прекрасный актер Павел Владимирович Брянский. Небольшого роста, коренастый, а голос у него был такой – бас-профундо. Он играл в сказках царевичей, царя зверей. Актер был замечательный. В театр всегда приходил весь в крахмале – и рубашечка, и бабочка. Хотя был, конечно, человеком далеко не богатым.

Он слыл таким искренним и честным человеком, что его откровенности побаивался даже директор театра.

Мы знали, что до революции он служил в каких-то элитных войсках. Как-то я спросил

его, что это были за войска. И он сказал, что служил в таком-то кавалергардском полку. А мама моя была сотрудником Военно-исторического архива. В этом учреждении хранились материалы всего дореволюционного периода, включая послужные списки всех армий, дивизий, полков, офицеров.

Когда я узнал, в каком полку он служил, я попросил маму, если можно, найти документы на Брянского. Когда мама сделала выписку из его послужного списка и мы показали их самому Павлу Владимировичу, мы все вместе хохотали до слез. Там у него были сплошные разжалования, лечения от дурных болезней, восстановления в чинах, загадочные истории и еще бог знает что. Он сватался к дочери командира полка, но ему отказали. А в послужном списке было написано, что во время парада в день именин Его Императорского Величества ротмистр Брянский подскочил на коне к командиру полка и отдал ему рапорт, приложив в знак приветствия руку к неподобающему месту. За это он был разжалован в солдаты и отправлен в Оренбургскую крепость. Там он заболел дурной болезнью. Фельдшер сделал ему укол скипидара, после чего Брянский пробежал от боли

три раза вокруг крепости и был найден в бурьяне. Потом он вылез, в чине его восстановили.

Вот в таком духе был составлен весь послужной список. И выходило, что Брянский был настоящим хулиганом, роскошным хулиганом, хотя и служил в кавалергардском полку.

А уже при Советской власти с ним приключилась история, которая обошлась ему очень дорого. У милиционеров тогда были белые пробковые шлемы с двумя шишечками, по бокам которых были две дырочки. Вот Брянский подошел к одному постовому и спросил:

– А скажи-ка мне, пожалуйста, милейший, для чего у тебя на шлеме дырочки с двух сторон?

– Для вентиляции, – пояснил милиционер.

– Болван! – не согласился Брянский. – Это для того, чтобы у тебя выходил пар, когда кипит твой разум возмущенный!

Его тут же арестовали и дали четыре года за контрреволюционный выпад.

ЛЕНИН И БРЕВНО

Вспоминаю один торжественный вечер, посвященный очередной ленинской годовщине. Выступали старые люди, творческие работники, и, когда все высказались, Шахазизов спросил, не хочет ли кто еще сказать что-нибудь по теме. И тут руку поднял Брянский. Шахазизов смутился – он знал, что от этого человека можно ожидать всего что угодно. Но делать было нечего, и он пробормотал:

– Конечно, конечно, Павел Владимирович...

Брянский поднялся, прошел к трибуне и начал:

– Вот здесь много говорилось о так называемых Ленинских субботниках. Но я вижу, что вы совершенно не знаете о том, что эти субботники изобрел совсем не Владимир Ильич, а Лев Давыдович Троцкий.

Зал окаменел.

– Да, да, – продолжал Брянский. – Он организовал трудовые отряды, в которых должны были принимать участие все граждане страны. И Владимир Ильич, как гражданин республики, наравне со всеми работал на этих субботниках и таскал это самое легендарное бревно. Так что никакого подвига он не совершил, а выполнял свой гражданский долг. Но вскоре выяснилось, что от этих субботников, в которых надо было участвовать и в зной, и в стужу, стали терять профессиональные навыки музыканты, вокалисты, художники, артисты. И вот тогда мы, представители разных артистических жанров, организовали группу и пошли на прием к Луначарскому просить его освободить нас от этой трудовой повинности. Луначарский принял нас в Кремле и поддержал нашу просьбу. Троцкий, видимо, был уже предупрежден о цели нашего визита, потому что через минуту-другую

вошел в кабинет и безо всяких предисловий железным голосом сказал:

– Все знаю. Сегодня от субботника начинают трястись руки у скрипача, завтра они затрясутся у молотобойца, послезавтра они затрясутся у красного командира, а потом они должны затрястись и у меня. Нет! Никто от субботников не освобождается! – и он вышел.

Мы были безумно расстроены. Был расстроен и Луначарский. Он выдержал большую паузу, а потом сказал:

– Не вешайте головы. Сейчас я еще попробую... – и вышел. Через короткое время он возвратился с Владимиром Ильичом.

Ленин, ни с кем не поздоровавшись, стал быстрыми шагами ходить по кабинету, потом попросил:

– Анатолий Васильевич, пригласите, пожалуйста, сюда Льва Давыдовича.

Луначарский пригласил. И Ленин спросил Троцкого:

– Лев Давыдович, вы жаловались, что у вас течет потолок. Как сейчас обстоят у вас дела?

– Течет, Владимир Ильич.

– А вы знаете что, Лев Давыдович, – в Третьяковской галерее очень много промаслен-

ного полотна. Надо вынуть его из рам и застелить крышу вашего дома. И течь ваш потолок не будет. А можете даже из рам не вынимать – просто уложить на крышу.

– Ну если это все ван дейки, то конечно, – попытался отшутиться Троцкий и осекся. – Понял, Владимир Ильич. Я сейчас же подпишу приказ об освобождении всех работников искусств от субботников.

Так закончил свое выступление бывший кавалергард Брянский.

Павел Владимирович был мужественный человек. Однажды в кругу друзей он с грустной задумчивостью сказал:

– Братцы, а вы знаете, ведь мне конец... Это не потому, что я не могу сейчас пойти с вами и выпить. Дело в другом: мне не хочется выпить! А это значит – все...

И в самом деле, очень скоро мы узнали, что у него обнаружили очень тяжелую форму рака. Он никогда не жаловался на боль, ходил, побряхтывая, и все думали, что у него просто такая манера поведения...

И ушел он тихо и незаметно – великолепный артист и замечательный человек из плеяды людей необыкновенных.

ОРДЕН «ЛЬВА И СОЛНЦА»

Еще работал в детском театре золотокудрый красавец Славка. Фамилию его я уже не помню. Он сыграл в каком-то спектакле сказочного принца, и на том его артистическая карьера завершилась. Дело в том, что он увлекался еще и стихами и разрывался между сценой и поэзией. Два-три стихотворения он даже сумел где-то опубликовать.

История, которая с ним случилась, произошла во время визита в нашу страну шаха Ирана Реза Пехлеви со своей очаровательной супругой шахиней Сорейей. Шума и треска тогда было очень много. И по этому поводу в Москве даже стали ходить анекдоты.

Правда, больше связанные с шахиней, чем с шахом, который не представлял для обывателей никакого интереса.

И вот в самый разгар официальных визитных страстей приходит Славка на репетицию и небрежно сбрасывает с себя свой кремовый пыльник (были еще в то время такие легкие летние плащи). Потом медленно обращивается к своим товарищам, и у всех отвисают челюсти: на груди Славки, на голубой муаровой ленте, переброшенной через шею, красуется огромный шикарный орден явно восточного происхождения. Об этом можно было догадаться по синему эмалевому полумесяцу, который сразу бросался в глаза.

– Славка, откуда?

Славка помялся немного («Даже не знаю, имею ли я право говорить об этом...») и наконец решился.

– Только между нами, ребята, – предупредил он. – А то и мне может быть плохо, да и вам не поздоровится. Короче. Черт меня дернул пойти позавчера в Книжную лавку, что на Кузнецком Мосту. Сказали, что там есть старое издание Ланга «О сценической игре». Заворачиваю за угол и вижу: стоит у Дома моделей огромная толпа. Всю улицу перегородила.

– В чем дело? – спрашиваю.

– Шахиня, – сказали, – решила посмотреть наши модели.

Ну, думаю, такой случай упустить никак нельзя. Такая ли она красавица на самом деле, как о ней говорят. По газетным-то снимкам ни фига не определишь. И бочком-бочком пробираюсь к стеклянным дверям.

И только просунулся в первый ряд, как дверь отворилась и вышла она! Ребята, верьте-не верьте, я чуть не ослеп. И тут она вынимает из сумочки белоснежный платочек и – роняет его! Он парит в воздухе, как мотылек. Какая-то сила толкнула меня, я рванулся вперед, подхватил на лету платочек и с поклоном передал шахине. Она приняла его, улыбнулась мне (будто солнышко взошло!) и что-то коротко сказала телохранителю. О, мужики, если б вы видели эту улыбку, вы бы ошалели! Да-а... И тут, чувствую, двое в штатском оттирают меня, оттирают и выводят на чистое пространство. «Кто? Что? Откуда?..» Ну я и сказал, что я поэт, а работаю в ЦДТ. Дал им все свои координаты, и меня отпустили. А вчера утром, только позавтракал, слышу во дворе звуки божественной восточной мелодии. Посмотрел в окно,

а это сигналит длинная шикарная машина серебристого цвета. А на радиаторе посольский флажок с полумесяцем. И тут звонок в дверь. Открываю. Входит шикарный мужик и передает мне обалденный пакет с вензелями. «Вы, – говорит, – приглашены сегодня в иранское посольство на прием, который дает ее высочество шахиня Сорейя. За вами приедут». И ушел. Вскрываю пакет – действительно, официальное приглашение! Честно говоря, я струхнул. А не провокация ли это? Может, завербовать хотят? В посольство-то меня привезут, а вот как выйду оттуда, так и повяжут и поволокут под белые ручки на Лубянку. Не ет, думаю, надо подстраховаться. Связался со своим старым дружкой, у которого батя-генерал служит в МУРе. «Срочно, – говорю, – устрой мне встречу со своим отцом. Это очень важно. Дело касается, – говорю, – международных отношений». Через два часа я уже был в кабинете Ивана Васильевича. Объяснил ему, в чем дело. Он выслушал, а потом походил-походил по кабинету и говорит: «Это ты молодец, что обратился к нам. От этих империалистов всего можно ожидать. Сегодня он друг, а завтра? Езжай на прием и держи нас все время

в курсе дела. Попробуй прощупать, чего они от тебя хотят».

Вечером приехал за мной тот же шикарный лимузин, и отвезли меня в посольство. Ребята-а! Вы такое только в кино видели. Все в смокингах, во фраках, а мне хоть сквозь землю провалились в своем польском пятидесятирублевом пиджачке в клеточку. Но народ, видно, интеллигентный собрался – никакого ко мне презрения, а все с уважением: «йес», «плиз», «бите-дритте». На подносах водку носят в фужерах, но я ни-ни: мало ли что! И тут выходит Сорейя! Нет, не выходит – будто плывет по воздуху. Увидела меня – и сразу ко мне. Переводчик сбочку семенит. Отвели они меня в сторонку, и Сорейя сразу к делу. «Я, – говорит, – сэр Слава...» Черт побери, я уже сэр! «Я, – говорит, – читала ваши стихи в переводах. Они великолепны! И у меня к вам есть предложение: не согласились бы вы быть моим придворным поэтом?» У меня язык даже отнялся. Такое только во сне может присниться. Я – придворный поэт! Чертоги, гарем – ошалеть можно! Но я сдержался, как учил меня Иван Васильевич, и говорю: «Это очень лестное для меня предложение, ваше высочество. Но, простите, раз-

решите мне о нем подумать». Шахиня понимающе улыбнулась (будто солнышко взошло!) и слёгка хлопнула в ладоши. Откуда ни возьмись, появился человек в чалме, поклонился шахине и открыл перед ней шикарный футляр, весь в бархате... Она достала из него вот этот орден и своими руками надела мне его на шею. «Пусть, – сказала она, – этот орден »Льва и Солнца» поможет вам быстрее разрешить ваши сомнения». Не помню, как привезли меня домой: я будто вернулся из другого измерения. Когда немного пришел в себя, вспомнил, что Иван Васильевич ждет моего звонка. Да один ли Иван Васильевич! Наверняка он уже подключил к этому делу и разведку, и контрразведку, и черт знает что там еще! Позвонил. Рассказал все как было. Иван Васильевич долго сопел в трубку, потом спросил: «Ты и в самом деле будешь над этим думать?» – «Но я же дал слово подумать. И потом этот орден...» И тут Иван Васильевич взорвался: «Это говоришь мне ты, комсомолец? Советский человек? Ты продался за какую-то цацку! Неужели наши деды и отцы свергали ненавистное самодержавие для того, чтобы их потомки получали из рук новых сатрапов дешевые подачки!» – «Но ведь наше партий-

ное руководство, – напомнил я ему, – на руках носит этого Пехлеви». Я слышал, как Иван Васильевич даже ногами затопал. «Заткнись! Что ты понимаешь в высокой политике?!». Долго он еще орал на меня. А потом бросил трубку, когда я дал ему слово держать его в курсе дальнейших событий.

Славка замолчал и задумался. Его рассказ произвел сильное впечатление.

– И что ты решил? – спросил кто-то.

Славка только пожал плечами.

– Комсомол-то тебя гаремом не обеспечит.

– Не обеспечит, – уныло согласился Славка. – Буду думать...

Он думал до тех пор, пока шах с шахиней не улетели в свой Иран, а вскоре и развелись. Потом Сорейя издала в Париже, что ли, книгу о своем бывшем благоверном, в которой облила его такими помоями, что Славка окончательно успокоился. «Как хорошо, что я не уехал с ней, – говорил он всем. – Я думал, она святая, а оказалось – обычная склочная баба».

И тем не менее на какое-то время Славка оказался своеобразной достопримечательностью: «Видите, – показывали на него пальцем, – это тот самый бывший любовник ша-

хини Сорейи». Да, какое-то время Славка еще купался в лучах сомнительной славы. И неизвестно, как долго он бы еще играл роль романтического героя, если б не случай, разрушивший этот загадочный образ самым коварным образом.

Будучи в Ленинграде на гастролях, Славка познакомился с редактором, да не простым, а главным, местного издательства. Они понравились друг другу и, соревнуясь в щедрости, так шикарно гудели, что оказались на мели. И тогда главный взял у Славки рукопись стихов, заключил с ним договор и выдал аванс. Славка вернулся в Москву гордым и неприступным, как Блок на известной фотографии.

И тут случилось такое, что Славке не виделось даже в радужных снах. (Вот оно: деньги к деньгам!) В адрес театра пришел фирменный конверт журнала «Новый мир» на имя Славки. Новость эта сразу же разнеслась по всем закоулкам театра. «Новый мир» в ту пору был властителем дум, и если уж Славка стал причастен к нему, то, стало быть, и он тот же властитель дум! И как мы его проглядели! И как мы не увидели в своем товарище божественного гения!

Славка не стал скрывать содержание письма, напечатанного на пишущей машинке. И, перечитав его про себя, не удержался, чтобы не утолить любопытство своих товарищей:

«Дорогой Вячеслав!

Я прочитал три Ваших стихотворения. Несколько теплых слов о Вас сказали мне Михаил Светлов и Борис Пастернак. Мне этого достаточно, чтобы поверить в Вашу Музу.

Хочу видеть на страницах нашего журнала серьезную подборку Ваших стихов с последующим их изданием в издательстве «Художественная литература».

Ваш Александр Твардовский».

Народ безмолвствовал. Наконец кто-то робко спросил:

– Из театра уйдешь?

– Там видно будет, – скромно ответил Славка и пошел звонить в Ленинград. Он сказал своему редактору-собутельнику, что расторгает договор и скоро возвратит аванс, поскольку обстоятельства изменились. Как ни пытался урезонить его многоопытный редактор, Славка жестко стоял на своем: срочно высылай рукопись! Ему ее срочно выслали, и Славка пошел к Александру Трифоновичу.

А попасть к нему было очень не просто. Его вечная секретарша не всякого допускала к телу своего шефа. Она внимательно прочитала письмо, напечатанное на фирменном бланке журнала, и пошла доложить о визитере. Через минуту Славку пригласили в кабинет.

– Интересно, – сказал Твардовский, разглядывая письмо, им подписанное. – Подпись моя, но, убей меня, не помню ни вашу фамилию, ни ваших стихов. А уж на хорошие стихи у меня цепкая память. Прочтите хотя бы две строфы.

Славка прочитал первое, что ему пришло на ум. Твардовский нагнул свою кругую голову и сказал:

– Молодой человек, походите по газетам, по журналам – может, кому это и сгодится. А у нас, как вы сами понимаете, совсем другой уровень.

Славка этого не понимал.

– А зачем же вы это написали? – ткнул он пальцем в письмо.

– Это кто-то над вами пошутил. Веселый, видать, человек.

На следующий день Славка обнаружил на примерном столике напечатанную на машинке записку:

«За орден «Льва и Солнца», который заслужил твой предок на Шипке, нужно платить. Ты пошутил, ответил шуткой я».

Подписи не было. Славка так и не вспомнил, кому он мог выдать тайну бабушкиного сундука. Язык мой – враг мой!

Из театра он ушел и с тех пор стал завсегдаем Центрального Дома литераторов. Он ходил между столиков в Пестром зале и показывал всем письмо за фальшивой подписью Твардовского, которого к тому времени уже не стало.

– Вот, – говорил он, – единственный человек, который понял меня. А сейчас? Судьи кто? Воробушки серые! Чирик-чирик! – и повторял знакомые слова шукшинского героя: – Прошу плеснуть.

Фанаты Александра Трифоновича не раз предлагали Славке за автограф Твардовского бутылку, и две, и даже три. Но Славка даже слышать об этом не хотел. Со временем он внушил себе, что подпись корифея и в самом деле настоящая и что его поклонниками и в самом деле были Светлов и Пастернак. И это причисляло его в собственных глазах к сонму Бессмертных.

КИСЛОРОДНОЕ ОТРАВЛЕНИЕ

У нас никто и никогда не позволял себе появиться на репетиции, и уж тем более на спектакле, даже с запахом. Пили как-то красиво, я бы даже сказал, художественно.

И был у нас великолепный артист Анатолий Щукин, который прекрасно играл царя в сказке «Конек-Горбунок». Жена Толи, Тося, крупная мужеподобная женщина, владела мастерской по реставрации и ремонту старинных фарфоровых изделий: посуды, безделушек, игрушек – кукол с закрывающимися глазами, кричащих «мама», поющих.

Толя часто помогал жене в работе. А у нее был гравировальный станок. И вот он умуд-

рился сделать уникальный стакан, на который нанес риски. А риски обозначали: пол-литра на троих, пол-литра на четверых, пол-литра на восьмерых и т.д. Этот стакан стоял у него за трельяжем в гримуборной. И вот после спектакля «бойцы», как они сами себя называли, собирались, в соответствии с дозировкой выпивали и закусывали водой из-под крана.

А еще у Толи с Тосей был сыночек, которого мы звали Щуренок, шибко настырный и очень умненький мальчик. Он очень любил играть со взрослыми в шахматы и очень не любил проигрывать. И когда видел, что проигрывает, начинал разбрасывать с доски фигуры и истерически кричать:

– Нет! Нет! Нет! Я выиграл! Я выиграл! Я победил!

Все это знали и, чтобы не доводить его до истерики, играли до критического момента и старались быстро ему проиграть.

А однажды Толя приходит и вполне серьезно говорит:

– Ну этого Щуренка я, наверное, убью.

– В чем дело, Толя?

– Вы представляете, мы пошли покупать ему пальто. Он увидел пальто какого-то пе-

сочного цвета и пристал: купите мне именно это! Я говорю ему: это светлое пальто, ты его извазюкаешь во дворе мгновенно. Ведь вы играете в футбол, носитесь по горкам – от него на следующий же день ничего не останется. «Нет, хочу это пальто!». И мы купили ему это песочное пальто. Дома он надел его и сказал, что идет гулять. А я стал смотреть из окна во двор. Напротив подъезда чернела огромная грязевая лужа, через которую была переброшена доска на кирпичиках. И я понял, как только Щуренок выскочит из подъезда, он, конечно, побежит по этой доске, конечно, посередине доска перевернется, конечно, он плюхнется в эту страшную грязевую лужу, и, конечно, пропало пальто. Так оно и случилось. В подъезде распахнулась с грохотом дверь. Щуренок вылетает во двор, прямой наводкой прыгает на эту доску, добегает до середины, доска переворачивается, он, башкой вниз, исчезает в этой грязевой луже, встает в образе страшной черной скульптуры и с криком и ревом влетает опять в подъезд. Врывается на кухню и кричит:

– Я говорил, не нужно песочного пальто?! Я говорил, надо купить темное пальто?! Во

дворе черт знает что творится! Зачем вы мне купили это песочное пальто?

В другой раз Толя угрюмо сказал:

– Я его чуть не зарыл...

Они отдыхали тогда где-то на юге. А рядом с общим пляжем располагался женский. И граница между ними была очень условная. Никто из мужчин как бы не обращал внимания, что рядом ходят голые дамы. И вот Толя лежит с Щуренком на общем пляже, Тося – на женском. И вдруг Щуренок орет:

– Папа, папа! А вон наша мама!

Все мужчины на общем пляже встали и стали смотреть на голую маму, которая шла к воде. Толя чуть не зарыл этого Щуренка в песок.

Умненький был мальчик. И в кого бы?

И вот Толя как-то приходит и говорит:

– Все, ребята, завтра пропадает день, и я с вами не встречаюсь в «Маленькой Неве».

А это был такой маленький закуточек в ресторане «Нева», где эти «бойцы» выпивали. Они шли гуськом через зал, по пути так элегантно брали у кого-нибудь со стола маленький кусочек хлеба, заходили за кулисы и просили:

– Тетя Клава, «перцовочки».

Они брали эту настойку потому, что она была дешевле водки. А у тети Клавы была присказка:

– Перцовочки – хреновочки – водку будете пить, – и наливала всем по сто грамм водки.

Они выпивали и отщипывали от кусочка хлеба крохи – это была у них вечерняя трапеза.

И поскольку Толя предупредил, что завтра день пропадает, у него спросили:

– И что же ты будешь завтра делать?

– Культурно проводить время. Тося сказала, что всей семьей вместе со Щуренком идем в Парк культуры, – а они жили недалеко от парка. – Никаких выпивок, все кончено. День пропал.

А после спектакля, вечером, он зашел в магазин, купил несколько четвертинок и по дороге домой зашел в Парк культуры. Он приблизительно знал, по какому маршруту они будут гулять. У дерева он прикапывал четвертинку, а на асфальте рисовал мелом стрелку. Так он по всему парку и прошелся.

В воскресенье Тося проснулась радостная. Щуренок тоже – наконец-то все в порядке, и они культурно отдохнут. Никаких друзей, никаких компаний.

И вот они степенно идут по аллее. Толя видит стрелку.

– Ой! – говорит. – Идите вперед – у меня шнурок развязался.

Тося со Щуренком идут вперед, а Толя откапывает четвертинку, отпивает, а остальное опять прикапывает. Идут дальше. И тут Толя видит Колесо обозрения.

– Ой, – говорит, – интересный аттракцион! Пойдите узнайте, там очередь большая или нет.

Жена с сыном идут узнавать, а он опять идет по стрелке. В общем, через час Толя захорошел, а жена не поймет, что случилось.

– Толя! Когда ты успел? Где?

И Толя возмутился:

– Вот, ты всегда меня упрекала в увлечении напитками! А я и не выпивал – это кислородное отравление! Мне нельзя вообще выходить гулять на природу! Чем мы на сцене дышим? Пылью, пудрой, прожекторы светят в глаза – вот что такое театр! А ты меня вытаскила на свежий воздух – и вот видишь: я умираю!

Тося под руку отвела его домой и уложила в постель. А на следующий день он пришел в театр, рассказал эту историю и добавил:

– Ребята, по-моему, стрелок в парке осталось еще много.

И мы вечером гурьбой пошли искать стрелки. Из парка мы вышли веселые, и даже излишне.

ДЕНЬГИ НА ВЕНОК

А однажды приходит Шукин на какой-то спектакль мрачный-мрачный и явно с желанием, чтоб его спросили, что случилось. Спрашиваем:

– Толя, почему у тебя такое плохое настроение?

– Ребята, не трогайте меня, у меня драма.

– В чем дело?

– Ну вы представляете, вчера после спектакля мы выпили. Я уже хотел было уходить, а тут навстречу Женя Перов: «Толя, ты куда?» Я говорю: «Домой». «Нет, давай еще выпьем, у меня есть кое-что». Выпили. Вышли. А в это время навстречу Валя Заливин: «Ребята, давайте зайдём в «Маленькую Неву». Мы зашли

в «Маленькую Неву», потом я встретил Карсерского, примера. Он говорит «Куда? Давай еще выпьем»... Прихожу домой, смотрю, Тося демонстративно лежит ко мне спиной. И когда я разделся и третий раз мимо кровати лег, она говорит: «Толя, по-моему, ты выпил»... Представляете, ребята. Догадалась!

Вот такой был Толя. А как-то он отзывает меня в сторонку.

– Левочка, скажи мне, пожалуйста, вот когда я умру, ты будешь вносить деньги на мой венки?

– Ну что ты болтаешь глупости! – возмущаюсь. – Во-первых, ты никогда не умрешь а, во-вторых..

– Нет, – перебивает, – ты подожди, подожди! Я тебя серьезно спрашиваю: будешь вносить?

– Да отстань ты от меня! – и чтобы отвязаться, говорю: – Ну буду!

– А сколько ты будешь вносить?

– Ну отстань! – этот разговор начинает меня раздражать.

– А все-таки сколько? – не отстает Толя.

– Ну хорошо. Я внесу двадцать пять рублей.

– Отлично! – радуется Толя. – Дай мне сейчас пятнадцать, а потом вносить не будешь.

Ну что с ним делать!

А однажды заходит в примерку и говорит:

– Ребята, я очки дома забыл... Там в репертуарной конторе лежит газета с таблицей лотерейных розыгрышей. Я переписал номера и серии в записную книжку. Вот возьмите и проверьте, пожалуйста, – чем черт не шутит, может, чего и выиграл.

Никто, конечно, ни в какие выигрыши не верил, но все же взяли у него эту записную книжку и спустились вниз. Стали проверять и вдруг:

– Толя, все сошлось! Ты выиграл огромную сумму!

И Толя, как Станиславский, закричал:

– Не верю! Не верю!

Тут нашли ему очки и стали тыкать пальцем в газетную строчку и в записную книжку. И Толя наконец сам увидел и все же не верил:

– Не может быть... Не может быть этого!

– Толя, – возразили ему, – никуда ты не денешься – надо обмывать.

– Ребята, – сказал Толя, – у меня ведь сейчас ни гроша. Дуйте в магазин, закупайте всё что хотите – обмоем мой выигрыш! А когда я получу, всем раздам деньги.

Бросились в магазин, закупили всякой всячины, накрыли в гримуборной праздничный стол, все уселись. Начали поздравлять, кто-то завидовал. Хорошо отпраздновали. А потом еще дня два продолжали.

Прошло несколько дней, ребята стали волноваться.

– Толя, ну ты получил выигрыш?

– Какой выигрыш?

– Ну как же... Ты ведь выиграл огромную сумму.

– Никогда я не выигрывал.

– Как же, Толя! Мы же сами видели, проверяли...

– Ах, это! Ребята, я же пошутил: увидел газету с тиражом и переписал выигрышные номера. Просто захотелось выпить, смотрю – и вам хочется. Вот я и сообразил, как это сделать.

– Мерзавец! Сволочь! Отдай наши деньги!

– Какие деньги? Выпивали-то вместе?

– Вместе...

– Ну и о чем речь?

Конечно, денег он никому не вернул, да и спрашивать, в самом деле, было неловко.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Артист Коля Долгополов пришел на заседание Академии травильщиков с кулечком в руках.

– Что это? – спросил председатель, ожидая услышать очередную историю.

– Яички, – простодушно ответил Коля и уточнил: – Десять штук.

– Зачем?

– Начинаю новую жизнь.

– Как это? – не понял председатель.

– А очень просто: бросаю пить и перехожу на диетическое питание.

– Да это же здорово! – возбудились академики. – Это же непременно надо отметить!

Ведь новая жизнь начинается раз в жизни! И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно!

– Ребята, – остановил общий порыв Коля. – Я же ясно сказал: начинаю новую жизнь.

– Так и мы об этом! – сказал Борис Годунов в шапке Мономаха и со скипетром в руке.

Предстоял спектакль «Борис Годунов», и все бояре были в гриме и в шубах. И никто не хотел, чтобы такое великое событие не было отмечено достойным образом.

Тогда я предложил компромиссное решение.

– Коля, – сказал я, – не будем гадать, какая жизнь лучше, старая или новая. Клади свой кулечек на стол.

– Зачем? – не понял Коля, нежно прижимая свое диетическое питание к груди.

– Клади, клади. Царь-батюшка ударит по нему скипетром, и, если после этого останется хотя бы одно целое яйцо, я ставлю тебе литр.

Коля был настоящим артистом и азартным человеком и не сразу понял подвох – игра заинтересовала его. Он с готовностью положил свой кулечек на стол, и мы все замерли.

Борис Годунов примерился и жахнул царским скипетром по яйцам так, что даже и

хруста никто не услышал – только короткий стук бам!

Коля бросился к тому, что осталось от кулечка, и стал лихорадочно перебирать то, что превратилось в гоголь-моголь.

– Есть! – выкрикнул он, наконец, с торжеством и поднял над головой целое яйцо.

Пришлось мне бежать за двумя бутылками...

Колю мы посадили на такси далеко за полночь. Его новая жизнь не состоялась.

ПЛЕМЯННИК КЛИМЕНТА ЕФРЕМОВИЧА

Я за собой странностей не замечал. Да и кто признается, что он «с приветом»? Дураков нет. Ну, бывает, заиграешься (я не о сцене) и уже не думаешь, что из этого получится: ведь в розыгрышах сценария нет, это экспромт, куда кривая выведет. А кривая она и есть кривая в отличие от прямой.

Короче, во всем был виноват костюм.

В то время, когда я работал в Центральном детском театре, в магазинах появились черные двубортные костюмы из крепа. Польские. И половина мужского населения Москвы ходила вот в таких вот костюмах. Я тоже, посоветовавшись с женой, решил, что и мне нужно

приобрести такой же костюм. К тому же они почему-то стоили не очень дорого. Купил. И вот я в этом новом костюме решил прийти в театр – надо же похвастаться обновкой!

И тут я встретил нашу замечательную актрису, которая, увы, уже ушла из жизни и с которой я проработал много-много лет. И она, посмотрев на меня, спросила:

– Лева, ты чего такой торжественный? Как-то странно тебя видеть в костюме.

Дело в том, что я вообще не люблю ни костюмы, ни галстуки. И тут у меня как-то само собой родилась какая-то еще до конца не продуманная мысль, и я сказал:

– Тоня, давай отойдем в сторону... Дело в том, что... Только, я тебя умоляю, никому ни слова. Тоня, я же знаю, вы, женщины, так любите тут же разнести всякую новость по всему белу свету.

– Что ты, Лева! Никому ни слова, – заверила она.

– Тоня, – сказал тогда я, – Тоня, оказалось, что я – племянник Ворошилова, Климента Ефремовича...

– Как это случилось?

– Сам не знаю... Ко мне приехали люди и сказали, что у меня обнаружили какие-то

родственные связи с семьей Ворошиловых. Я оказался самый молодой из Ворошиловых: я – его племянник. И вот меня вызывают в Кремль. Сегодня после репетиции я должен поехать в Кремль, чтобы познакомиться со своим дядей Климентом Ефремовичем. Меня будут ему представлять.

– Как же это прекрасно! – воскликнула Тоня. – Ты представляешь, какой у тебя дядя! Теперь у тебя будут такие возможности...

– Нет-нет, Тонь, подожди, подожди, – перебил я ее. – Надо ведь еще познакомиться. Может, этот луганский слесарь такой строгий, что... Не дай Бог... Еще ничего не известно... Только, я умоляю тебя, никому, никому!

– Конечно, конечно. Лева! Я ведь понимаю...

И на этом мы расстались. Но буквально минут через пятнадцать все в театре почему-то стали со мной очень вежливо здороваться и даже называть по имени-отчеству вместо обычных «Левка, здорово!», «Лева, привет!». А я в ответ: «Здравствуй... Здравствуй... Здравствуй...». И тут я понял, что всё – началось!

После репетиции я выглянул в окно и... У меня часто так случается, что сами обстоятельства играют на мои розыгрыши. Почему

так – сам не знаю... И я увидел, что перед входом в театр стоит огромный черный правительственный «ЗИЛ». А рядом с Детским театром находятся кассы Большого театра, и туда часто приезжали за билетами для гостей и делегаций на правительственных, мидовских и прочих министерских машинах.

Я вышел из главного входа театра и направился к этому «ЗИЛу». Подошел, поклонился водителю (стекло было опущено) и сказал:

– Простите, пожалуйста, я артист Дуров вот из этого театра...

– О! – воскликнул водитель. – Я вас узнал – вы же в кино снимаетесь.

– Да, – сказал я и попросил: – Посмотрите, пожалуйста, на окна нашего театра – там никто за мной не наблюдает?

Тот посмотрел и говорит:

– Там все окна просто забиты людьми. За вами наблюдают, наверное, человек сто.

– Вы знаете, – сказал я, – я вам потом все расскажу. А вы не могли бы красиво помочь мне до конца разыграть эту историю? Я сейчас сяду в вашу машину, и вы отвезете меня чуть подальше.

Шофер оказался догадливым.

– Все понял, – сказал он. – Сейчас.

Он вышел, обошел вокруг машины, открыл мне дверцу и широким жестом пригласил в салон. Мы сели, и машина тронулась.

– Мы сейчас тут кружочек сделаем, и я обратно. Ладно? – сказал шофер. – А то хозяин будет меня ждать.

– Спасибо, мне достаточно, – и в двух словах рассказал ему суть розыгрыша...

Он дико хохотал, а потом сказал:

– Ну, Дуров, с тебя при встрече причитается – я ведь тоже участвую в этом спектакле.

Мы тепло простились, а вечером я позвонил другу-актеру, спросил, что нового. А он интересуется, как у меня прошла встреча. Я сказал, что все замечательно, все хорошо, и поинтересовался:

– А ты откуда об этом знаешь?

– Здравствуйте! – протянул он. – Да весь театр об этом только и говорит.

И когда я появился в театре, мне сказали:

– Лев Константинович, вас ждет Константин Александрович. – Стало быть, дошло уже до директора.

Я зашел к нему в кабинет. Директор встал из-за стола и своим высоким голосом сказал:

– Ну, Лев Константинович, я вас поздравляю. У вас такая радостная новость!

И тогда я спросил:

– Какая?

– Ну, Лев Константинович, перестаньте! Мне-то уж вы можете сказать.

– Константин Александрович, – сказал я, – я вам вынужден признаться: это была шутка, розыгрыш. И все из-за того, что я купил этот дурацкий черный двубортный костюм, который, наверное, годится только для похорон.

– М-да... – сказал директор. – Шутки ваши мне не очень-то нравятся... – И добавил со значением: – Так ведь можно и дошутиться... Ну что еще от вас ждать, молодых? Ладно, идите. Племянничек! ...

Я вышел из кабинета. У дверей уже стояла большая толпа.

– Ребята, – сказал я, – сделайте со мной что хотите. На колени могу перед вами встать, только простите: я вас разыграл.

Нет, не все на меня обиделись, многие просто замечательно приняли мой розыгрыш и хохотали сами над собой, что попались на такую наживку.

И только тут до меня дошел смысл слов нашего директора:

«Так ведь можно и дошутиться...» В ту пору это не казалось странным.

«ОТ СУЛЕЙМАНА ВАМ ПРИВЕТ!»

Однажды на Манежной площади был большой сводный концерт. Участвовали в нем многие артисты из детского театра, и как тогда было принято, играли сцены из спектаклей. Была такая артистка Неля Шеффер, которая должна была выйти и прочитать стихотворение «От Сулеймана вам привет, страна цветет для вас, ребята».

И вот Неля Шеффер вышла и в микрофон на всю Манежную площадь закричала:

– От Сулеймана вам привет!.. – и забыла продолжение.

За ширмой в это время стояли Печников, Ефремов, Заливин, другие артисты детского театра и шептали:

«От Сулеймана вам привет!»

– Неля!!! Страна цветет для вас, ребята! Читай дальше, мы еще не готовы!

Она вышла опять к микрофону и закричала:

– От Сулеймана вам привет!...

И вся Манежная площадь хором заорала:

– Спасибо!

Неля бежит за ширму, уже слезы в глазах.

– У меня все вылетело из головы!!!

Ей опять:

– Иди, еще никто не готов! Не может быть такой паузы! Страна цветет для вас ребята! Запомнила?

– Да

– Иди!

Она опять вышла и крикнула:

– От Сулеймана вам привет!...

И вся площадь хором ей в ответ:

– И Сулейману от нас привет!

Неля опять пошла за ширму, уже рыдая. Возцарилась огромная пауза. Не помню уж кто там вылез на сцену, каким-то образом замяли эту неловкость и концерт пошел дальше.

«НЕМЦЫ! СРЕДИ ВАС ЕВРЕЙ!»

В 1963 году я перешел из Центрального детского театра в Театр имени Ленинского комсомола. И мое знакомство с ним началось с забавной истории.

Ведет меня Эфрос представлять директору театра Анатолию Андреевичу Колеватову. Идем за кулисами. Нас встречает актер Саша Покровский в нарочито рваной рубашке и с нагримированными кровоподтеками на лице.

– Левочка, – говорит он, – мы очень рады, что ты к нам приходишь. Правда, правда – все рады. Анатолий Васильевич, я задержу

Леву на минутку. Он мне очень нужен. А потом сам провожу его к Анатолию Андреевичу.

И Эфрос уходит.

– Лева, – говорит мне Покровский, – сейчас идет детский спектакль. Я партизан. Немцы только что допрашивали меня, пытали. Исщипали, сволочи, всего. Сейчас я им отомщу и провожу тебя. А-а! Вот они сейчас получают, смотри.

Освещается сцена. Немецкий штаб. За столом сидят эсэсовцы в черной форме с черепами и повязками со свастикой на рукавах: Михаил Державин, Всеволод Ларионов и Леонид Каневский. Покровский прижимается к кулисе и тихо, но очень целенаправленно начинает шептать:

– Немцы, немцы, среди вас еврей... Слышите, немцы, среди вас еврей.

Каневский начинает трястись от хохота и сползает под стол. Два других эсэсовца нагибают фуражки на глаза и начинают подвывать. А Саша упорно продолжает:

– Немцы, немцы, у вас под столом еврей... Немцы, под столом еврей.

Все «фашисты» и за столом, и под столом всхлипывают, хрюкают, скулят... Ларионов сквозь зубы цедит:

– Закройте занавес, закройте... не могу!!!

Занавес пошел. Заседание штаба не состоялось.

– Все, – сказал Саша, – отомстил я немецко-фашистским палачам. Пойдем к Анатолию Андреевичу. Только ни ему, ни Эфросу ни слова, а то они мне такое устроят!.. Пойдем.

БРАТЯ УЛЬЯНОВЫ

А еще Саша Покровский отличился, когда выпускали спектакль «Семья» по пьесе Попова. Это про семью Ульяновых. Володю-гимназиста играл Г. Сайфулин, брата Александра – Покровский, а С. Гиацинтова играла мать.

И вот сдача спектакля. В зале все: и министерство, и главки, и райком, и горком, и все другие «комы». В обязательных черных костюмах, при галстуках – мужчины и дамы с косами, уложенными, как нимбы у святых (сравнение сомнительное, я понимаю).

Начинается сцена, когда Александр Ульянов после каникул собирается в Петербург готовить покушение на царя. Покровский,

стоя на середине сцены, собирает чемодан. Вбегает золотоволосый, курчавый Володя. Сборы брата для него неожиданность.

– Саша, ты куда?

А Саша, спокойно укладывая вещи в чемодан, отвечает:

– В Ленинград.

– Куда, куда?! – широко открыв глаза, спрашивает Володя.

– В Ленинград, в Ленинград, – опять же спокойно отвечает брат.

Сайфулин взвыл, показал зрителям пальцем на брата и убежал со сцены.

А из-за кулис был слышен голос Гиацинтовой, которая давилась от смеха:

– Не пойду я на сцену! Не пойду! Пусть он уезжает, куда хочет! Не пойду!..

А Саша, ничего не понимая, стоял один на сцене и продолжал тупо складывать вещи в чемодан. Из зала раздался обреченный голос Колеватова:

– Занавес закройте, пожалуйста...

Черные костюмы и нимбы мрачно покидали зал... А царя, как известно, все равно убили.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦЕНТРА

Артист Аркадий Щербаков был колоритнейшей личностью. Он очень напоминал эдакого провинциального буйного трагика. Было в нем что-то если не от Ильи Муромца, то уж от Добрыни Никитича – точно. Изумительный актер.

Он сменил уйму театров. Даже во МХАТе играл: помню его великолепного Анархиста в «Разломе» Бориса Лавренева. Но у него была известная еще со времен Островского слабость: «Мы актеры – и наше место в буфете». В конце концов он оказался в затруднительном положении.

И вот он пришел к Анатолию Андреевичу Колеватову в Ленком и, упав на колени, стал просить, чтобы тот взял его к себе в театр.

– Хорошо, – согласился наконец Колеватов. – Но учти, ты сразу же попадаешь в революционный спектакль, где будешь играть главную роль – Человека из центра. Понимаешь, этот спектакль необычайно ответственный, очень важный для театра. Мы получим за него Сталинскую премию, а у тебя будет возможность реабилитировать себя за все свои прежние проделки.

Аркадий прослезился и сказал:

– Анатолий Андреевич, да никогда в жизни! С сегодняшнего дня в рот – ни капли!

А надо сказать, что пьеса даже по тем временам была далеко не оригинальной. Там сибирские мужики собрались на сходку и решали – поднимать восстание или подождать. Вожак их успокаивал.

– Нет, мужики, – говорил он, – надо погодить. Вот приедет Человек из центра, он-то нам все и скажет, потому как без руководства у нас ничего не получится.

Тут надо отметить еще одну странность: сибирских мужиков играли актеры Ленкома не русской и не кавказской национальности. Возглавлял их Аркадий Вовси – родной брат того самого «врача-вредителя» Вовси, который потом будет арестован как врач-убийца.

К счастью, его не успеют расстрелять, и он останется жив. А Аркадия прятал у себя на чердаке один из его друзей-актеров. Когда волна этой жути прошла, Аркадий вернулся в театр. Это был прекрасный актер и добрейший человек. Все у него просили займы, а он:

– Вот-вот! Сейчас я тебе дам. А никто не отдает! Если б я собрал все долги, которые мне не отдают, я бы стал самым богатым человеком в мире! Нет, ни копейки я тебе не дам. Ни за что не дам!

Через минуту он заходил в гримуборную, молча выходил, и у него или из кармана, или из ширинки торчали свернутые денежки. Просто так дать он не мог – обязательно с каким-то фокусом, с криком, с протестом. Но не дать не мог. Вот он и возглавлял толпу этих самых сибирских мужиков.

Наконец настал день сдачи спектакля. Полный зал черных костюмов и черных галстуков на белых манишках.

И вот, значит, сидят на сцене сибирские мужики во главе с Аркадием Вовси, и он говорит:

– Ну, что, мужики, поднимать восстание или ждать Человека из центра? Он-то нам все растолкует: он должен привезти письмо от самого Ленина!

Поговорили мужики еще о чем-то между собой, а Человека из центра все нет.

Сибирские мужики начинают повторяться, чтобы заполнить тягучую паузу.

– Нет, мужики, пора подниматься. Уже и наши мужики, и соседние начали подниматься. Чего мы ждем?

– Погодь немного. Вот дождемся Человека из центра, даст он нам письмо от Ленина, тогда и поднимемся.

А Человека из центра все нет и нет. Опять неловкая пауза, и сибиряки начинают импровизировать:

– А все же, может, начнем, мужики? Наша деревня готова.

– И наша!

– И все прочие! Все деревни готовы!

И вдруг из-за кулис раздается дикий грохот. Что-то там рушилось, слышались какие-то удары, приглушенная брань. Все замерли. И тут задник, на котором было написано «РЕКА» и нарисована изба, стал медленно-медленно собираться к центру. Все окостенели. И неожиданно раздался дикий треск и – задник лопнул вдоль! И в этом проеме, как распятие, стоял Аркадий Щербаков с безумными красными глазами. Он увидел толпу

мужиков и пошел вперед, не выпуская эту толпу из вида, потому что это был для него единственный ориентир, без которого идти он просто не мог.

Он двигался как сомнамбула. Прошел мимо парализованных сибирских мужиков, вышел почти на авансцену, но дальше его не пустил задник, и он замер.

Здесь он должен был объясниться с мужиками:

– Я Человек из центра, который принес вам письмо от Ленина. А-а, я вижу, вы мне не доверяете, и правильно делаете. Вот мой мандат.

С этими словами он должен был вытащить из-за голенища мандат и письмо. Но Аркадий все забыл. Безумными глазами он смотрел в зал и судорожно пытался вспомнить, что он должен говорить и делать. И тут у него что-то промелькнуло в мозгу. Он отцепил, наконец, задник и, потеряв опору, рухнул на колени и стал на четвереньки. Глядя в зал тоскливым взглядом, он сказал:

– Вот вам и манда... – видно, силы его окончательно покинули, и последнюю букву в последнем слове он произнести уже не мог.

Зал разбил паралич – все это огромное черное каре замерло, и в абсолютной тишине раздался жалобный голос Колеватова:

– Занавес закройте, пожалуйста...

Конечно, тут же к Колеватову подошли черные пиджаки, поблагодарили за спектакль, выразили свое полное удовлетворение и удалились.

Колеватов побежал за кулисы.

– Где этот негодяй? – и, не дожидаясь ответа, бросился в гримуборную, где сидел Аркадий.

– Аркадий! – завопил он. – Я хотел вернуть тебя к жизни, я тебе помог, а что ты делаешь со мной? Что ты сделал со всеми нами? Мне что теперь – уходить? Ты думаешь, мне после этого не предложат оставить пост директора? Пьяная ты морда!

И тут Аркадий неожиданно заорал:

– Я?! Пьяный?! Как вам не стыдно! Я взволнован революционной тематикой!

От такой наглости у Колеватова глаза стали совсем квадратными, и он тоже завопил:

– Ах ты взволнован революционной тематикой?! Сейчас ты все получишь!

Он захлопнул дверь гримуборной, запер ее на ключ и убежал.

А за дверью раздался страшный грохот, звон стекла и какой-то скрежет – видно, Аркадий крушил трельяжи, гримстолаы, ломал стулья и все, что попадет под руку. Наконец, когда он, видно, все порушил, наступила тишина.

Через некоторое время в коридоре показался Анатолий Андреевич, а рядом с ним шел маленький-маленький человечек. У него не было лица, а было два огромных-огромных глаза. Он был то ли близорук, то ли дальнорук: линзы в очках были такие, что увеличивали глаза раз в пять. И этот человек нес в руке такой старинный-старинный врачевный чемоданчик, с какими ходили уездные врачи во времена Чехова. Этот человечек вопросительно посмотрел на Колеватова. Тот отпер дверь и сказал:

– Вот!

И все увидели Аркадия, который лежал в руинах, приняв какую-то трагическую распластанную позу. Он посмотрел на этого маленького человечка, в глазах у него появилось какое-то странное выражение, и они опять стали наливаться кровью. И приглушенным сильным голосом он спросил:

– Ты кто?

И этот человечек, не выговаривая ни одной буквы, неожиданно сказал:

– Я экс-пег-тиза!

– Ты экспертиза?! Слушай, гном, я тебя вот на эту ладонь поставлю, а этой прихлопну, и в стороны только брызги полетят! Ты меня понял, экс-пер-тиза?!

И он хлопнул ладонью о ладонь. Это был чудовищный звук. И неожиданно этот маленький-маленький человечек сказал:

– Где вы так нажгались, батенька? С кем?

Реплика была настолько неожиданной, настолько ласковой, что лицо Аркадия приняло обычное выражение, он обрел нормальный человеческий язык. Потом выражение лица сменилось на беспомощную детскую гримасу, он рухнул на колени перед этим человечком, положил подбородок ему на плечо и завопил:

– С кем?.. С при-я-те-ле-ем!

И человечек попросил:

– Оставьте нас вдвоем.

Их оставили наедине, а через несколько минут вышел врач.

Он подал Анатолию Андреевичу какую-то бумажку и сказал:

– У этого человека остаточное явление.

Колеватов заорал:

– Какое остаточное явление?! Ему спичку поднеси, он взорвется!

И вдруг этот гном завопил высоким фальцетом:

– Вы забываете, с кем вы газговагиваете! Я судебная экспегтиза! Вы знаете, что я с вами сделаю! Вы жестокий человек! Больше я к вам не сделаю ни одного шага!

И пошел по коридору. Все замерли. У Колеватова было совершенно растерянное лицо.

А на следующий день на стене висел приказ: Аркадия все-таки уволили из театра.

А совсем недавно я ехал на такси, и таксист, на которого я несколько раз пристально посмотрел, улыбнулся и сказал:

– Лев Константинович, все правильно, все правильно! Я знаю, я знаю – я для вас очень знакомое лицо. Я сын Аркадия Щербакова. Вот, видите, работаю на такси.

– А где отец?

– Не знаю. Куда-то уехал. Сначала писал, а потом исчез...

– И вы не пытались его найти?

– Пытались. Не нашли.

Вот такая грустная история русского артиста Аркадия Щербакова.

СРЕДСТВО ОТ ОБЛЫСЕНИЯ

Театр Ленком гастролировал по всей стране. И каждая поездка была для нас огромным праздником. Порой «истории» начинались уже в поезде.

Как-то поехали мы на очередные гастроли. Меня пришли провожать мои друзья – акробаты братья Воронины. Они, любя меня, притащили какую-то чудодейственную мазь, избавляющую от облысения. Где-то в Тбилиси ее раздобыли. Странная масса, пахнувшая чесноком. Всучили мне банку и пластиковую шапочку. Проинструктировали: втирай, дескать, на ночь в лысину, натягивай шапочку, а утром смывай. Недели через две волос поперет!..

Значит, поехали. Я в одном купе с нашей примой Ольгой Яковлевой, а в соседнем – неугомонная четверка: Гена Сайфулин, Валя Смирнитский, Георгий Мартынюк и Игорь Кашинцев. Ребята сразу же начали «соображать». Вскоре скребутся ко мне:

– Дед, дай чего-нибудь закусить.

– Да нет у меня ничего.

– Ну что ты жмешься – вон у тебя какая-то закуска в банках. И как раз чесноком пахнет.

– Мужики, – говорю, – это не закуска – мазь от облысения.

– Свистишь, дед. – И ушли, недовольные, допивать.

Гудели до утра, спать всем мешали. Думаю: надо ребят проучить. Вижу – на крючке висит парик Ольги Михайловны. Длинный, кучерявый. Натянул парик, вылез по пояс голый и в соседнее купе стал стучать. Открыли они и спяну глаза вытаращили. А я им этак торжественно-возмущенно:

– Что, суки, не верили?!

Смирнитский упал с полки и сломал руку. Мартынюк утрюмо пробормотал, обращаясь сам к себе:

– Допился...

У Сайфулина начались судороги. А лысый Кашинцев воскликнул с восторгом:

– Это, блин, жизнь! – И упал лицом в подушку.

Я удалился. А минут через пятнадцать они опомнились и стали ломиться в наше купе. Но строгая Ольга Михайловна их не пустила.

Весь гастрольный сезон Смирнитский ходил со сломанной рукой и смотрел на меня волком.

ВНУК ВРАНГЕЛЯ

Да, актеры не могут не играть, не могут не разыгрывать друг друга. Это уж их профессия. Но инженеры-то при чем? Кажется, серьезные люди, всё у них на точных расчетах, на сухой математике и – туда же!

Приехали мы с гастрольями в Югославию. Раз «Югославия», стало быть, это случилось еще при Советской власти. Не помню уж, в каком городе мы играли. Да это и не столь важно. Только я умылся с дороги, переоделся и вдруг раздается телефонный звонок.

– Это господин Дуров? – спрашивают на ломаном русском языке.

Тогда еще слово «господин» не было в ходу и звучало как-то непривычно. Это сейчас все «господа», «лорды», «леди» и «гамильтоны». Но раз спросили, нужно отвечать.

– Да, – говорю, – это я.

– Господин Дуров, с вами говорит внук генерала Врангеля. Я хотел бы с вами очень повидаться здесь.

Я, конечно, не то, чтобы струсил, но, знаете, в то время встречаться с внуком Врангеля... Ведь всегда был в гастрольной группе какой-нибудь «второй режиссер», который вовсе и не «второй режиссер», а в крайнем случае майор, а то и подполковник. И можешь сразу сделаться невыездным. А я им уже был.

И человека обидеть мне не хотелось. Я так тактично ему говорю:

– Вы знаете, у нас очень сложное расписание. – Я его, действительно, не обманывал. – Я даже не представляю, когда мы можем встретиться.

– Да, очень жаль, – сказал он и повесил трубку.

День проходит, опять звонок. Звонит такой же интеллигентный человек.

– Господин Дуров?

– Да, – говорю, – господин Дуров.

– С вами говорит внук адмирала Колчака. Я живу здесь, в Югославии, и мне очень хотелось бы с вами встретиться.

И тоже разговаривает на ломаном русском.

Я ему говорю то же, что и внуку генерала Врангеля:

– Вы знаете, я очень занят. Ни минуты...

– Понимаю, понимаю, понимаю... Я вот тут со своим приятелем созвонился, и он мне тоже сказал, что очень трудно с вами встретиться.

Я сразу понял, кто у него приятель.

И вдруг прихожу я как-то со спектакля, и меня достает звонок. Слышу знакомый голос:

– Извините, что поздно звоню. Мы сидим сейчас с приятелем в номере на шестом этаже и ждем вас.

Ну, думаю, куда деваться? Пойду, и пропади оно все пропадом! Пускай буду невыездным, но не могу же я отказаться от такого гостеприимства! И вдобавок еще оказаться трусом.

Поднимаюсь на шестой этаж, стучусь в номер, который мне назвали. Открывают мне дверь два красивых мужика в роскош-

ных костюмах. Смотрю – в гостиной стол накрыт.

– Садитесь, – предлагают.

Я сажусь, а они говорят:

– Как мы счастливы, что вы пришли. Мы смотрели все ваши спектакли. Вы такой замечательный артист!

Мы выпили, закусили, поболтали. Смотрю, они потихоньку-потихоньку начинают терять акцент и говорят уже на чистом русском языке. Я смотрю на одного, на другого – и ничего не понимаю. А они как начали ржать.

– Дуров, – говорят, – прости нас, пожалуйста, мы инженеры из Москвы, строим здесь комбинат. И мы так соскучились по своим, так захотелось пообщаться с земляком!

Мы хохотали тогда до упаду. И потом до окончания гастролей часто встречались. И они пришли провожать нашу трупку на вокзал.

Это было, конечно, очень здорово.

ЗЕЛЁНАЯ КОЗА

Нашу театральную труппу везде принимали прекрасно.

Никогда не забуду, как нас после гастролей провожали в Перми. Это можно сравнить лишь со встречей челюскинцев в 1934 году. Машины и автобусы, которые везли нас на вокзал, были буквально завалены и заброшены цветами. Нам кричали:

– Приезжайте еще! Мы вас очень любим!

Прощание растрогало нас до слез. Было такое чувство, будто навек расстаешься с родными людьми. Больше такое состояние я не переживал, кажется, никогда.

Горечь расставания с городом усугублялась еще и тем, что здесь мы не только с три-

умфом играли спектакли, но и раскрутились на полную катушку: розыгрыши, шутки, подставки сыпались, как из мешка разноцветные елочные игрушки.

Как только мы приехали в Пермь, сразу же пошли осматривать город, кто куда. Я с приятелем пошел в зоопарк. Почему зоопарк? А черт его знает! И вот там мы увидели зеленую козу и сразу же сообразили, как нам использовать эту козу в корыстных целях.

Вернувшись в театр, мы стали заключать пари.

– Ты видел зеленую козу? – спрашивали мы очередную жертву.

– Таких не бывает, – безапелляционно заявляла жертва, еще не зная, что она уже обречена.

– Правильно, не бывает, – соглашались мы. – А вот в местном зоопарке есть единственный во всем мире экземпляр зеленой козы. Хочешь держать пари?

Разменной монетой пари служила бутылка. Ну кто же откажется от беспроигрышного пари! Только идиот может поверить в зеленую козу.

Пари заключалось, и обреченный спорщик бежал в зоопарк. А вернувшись, ругался:

ЗЕЛЕНАЯ КОЗА

– Сволочи, вы проиграли! Это личная коза директора зоопарка. Она ходит на воле. Там покрасили штакетник, она чесалась об него и измазалась.

– Но она зеленая или не зеленая?

– Зеленая, но...

– Мы об этом и спорили. Беги в магазин.

Многие бегали и в зоопарк, и в магазин, и мы оказались владельцами приличного состояния. И могли менять свою продукцию на все, на что хотели: бутылка, она хоть и стеклянная, но поустойчивей доллара будет. В любой стране.

КОНТРАБАНДА

Но непревзойденными мастерами розыгрышей выступали Александр Ширвиндт и Михаил Державин. Они в этом направлении начали работать, как и мы – сразу же.

Еще когда ехали в автобусе от вокзала до гостиницы, они внимательно изучали достопримечательности города. И когда добрались до места, в их светлых головах уже созрел гениальный по простоте план.

И вот они сидят в гримерной. Задумчивые, сосредоточенно о чем-то размышляющие. Тут же гример. Все молчат. Наконец Александр не выдерживает, тяжело вздыхает и с досадой бормочет:

– И почему мы взяли только по одному!.. Да и рубашки надо было брать по три, а не по две...

– Я говорил, – слабо оправдывается Михаил.

– Говорил...

Опять молчат.

– Ладно, Саша, – успокаивает товарища Михаил, – завтра поедем и еще возьмем.

– А вдруг уже не будет? – беспокоится Александр.

– Да нет, ты же видел – там было много.

Гример начинает волноваться.

– Вы о чем, ребята?

– Да ни о чем, просто так.

Но тот уже почувствовал, что это не «просто так», и начинает канючить:

– Ну что, жалко, что ли, сказать? Сами же говорите, что там много.

– Ладно, черт с тобой, – сдается, наконец, Александр и смотрит на друга. – Сказать, что ли?

– Да уж говори, – обреченно соглашается Михаил. – От него ведь не отвяжешься.

– Улица Чкалова, дом 4, – шепотом произносит Александр, оглядываясь на дверь.

– И что там? – гример тоже переходит на шепот.

– А там продают английские замшевые пиджаки по цене двух бутылок и рубашки любых расцветок. Сколько здесь три – в Москве одна стоит. Да и не найдешь таких в Москве.

– А что так дешево? – недоверчиво спрашивает пример.

– Наверняка, контрабанда, – делает предположение Михаил. – Им, видно, нужно быстрее сплавить товар. Только ты – никому!

– Да вы что? Могила!

Пример несколько минут мнетя, потом не выдерживает нервного напряжения и осторожно спрашивает:

– Ребята, я вам, наверное, уже не нужен?

– Конечно. Иди отдыхай.

Пример пулей выскакивает из комнаты и вот уже почти вся труппа мчится на такси, на частниках, на попутках на окраину города: на улицу Чкалова, дом 4, дом, который заметил Ширвиндт еще при въезде в Пермь. Приезжают и видят задрипанную керосиновую лавку. Но пример-то понимает, что все это камуфляж, и начинает давить на продавца.

– Чего вы боитесь? Мы московские артисты: сегодня здесь, завтра – там. Никто ничего не узнает. Все будет шито-крыто. А мы у вас весь товар заберем.

КОНТРАБАНДА

– Какой товар? – ничего не может понять продавец. – Вот мой товар – керосин. Хотите – берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки?

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков, действительно, нет и, в конце концов, убеждаются.

Назад едут все вместе на автобусе. Мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

ШУРУП ВЫШЕЛ

Был у нас в труппе артист Гоша (царство ему небесное!). И вот прибегает он однажды ко мне в номер чуть не со слезами на глазах.

– Левочка! Левочка! Что мне делать? Пришла срочная телеграмма. Вот: «Прилетай зпт Миша проглотил шуруп тчк Целую бабушка». Что делать?..

– А что делать, – говорю, – вылетай! Я за тебя сыграю роль. И ни о чем не беспокойся.

– Спасибо! Ты настоящий друг! – И убегает.

Сажусь, начинаю учить роль – спектакль в тот же вечер. И тут опять прибегает Гоша, но на этот раз радостный.

ШУРУП ВЫШЕЛ

– Левочка! Пришла еще одна телеграмма. Слушай: «Шуруп вышел зпт можешь не вылетать тчк Целую бабушка».

УРОКИ УЗБЕКСКОГО

Веселое время – гастролы! Праздник души и сердца.

Это было, когда мы гастролировали в Узбекистане... Среди артистов пополз слухок, что Ширвиндта и Державина пригласили выступить на каком-то важном правительственном приеме. Кто, кроме них, еще будет участвовать в концерте – тайна. Наверное, государственная. И об этом опять же знают только Ширвиндт и Державин.

Прошелестел еще один слухок: платить артистам по этическим соображениям не будут. Но зато вручат дорогие – очень доро-

гие! – подарки. А кому не хочется получить восточный подарок! Наверняка что-нибудь бесценное.

Артист, назову его Сережей, недолго мучился гамлетовскими сомнениями: быть или не быть. Конечно, быть! И он направился к неразлучным друзьям.

– Ребята, – попросил он, – включите меня в свой список. Что вам стоит?

– Сложно, – задумался Ширвиндт. – Ты же сам понимаешь – это на правительственном уровне.

– Да я понимаю... И все же?

– Даже не знаю. Ладно, ничего не обещаю, но я поговорю.

– Я тебя прошу.

– Сделаю все, что могу.

Дня через два-три Ширвиндт подходит к Сереже и ласково улыбается.

– Ну, – говорит, – старик, поздравляю: тебя включили в концерт – будешь ведущим. Но текст придется заучить на узбекском языке. Как, справишься?

– Спрашиваешь!

Дал ему Ширвиндт текст на узбекском языке, написанный русскими буквами, и предупредил:

– Срок тебе – десять дней. Не тяни, сразу же начинай учить.

А жили они в соседних номерах, с хорошей слышимостью. И, попивая узбекское вино, Саша с Мишей от души веселились, слушая, как за стеной целыми днями Сережа бубнит:

– Дыр-быр-бур... Бур-дур-дыр...

Наконец проходит десять дней и довольный Сережа заходит к соседям.

– Я готов. Когда концерт?

– Какой концерт? – Ширвиндт явно не понимает, о чем идет речь.

– Как «какой»? – Сережа в растерянности. – Концерт, где подарки будут давать.

– Понятия не имею.

– Да ты же мне текст дал – на узбекском языке. Я его выучил наизусть!

– Старик, я же не знаю узбекский. Как я мог тебе дать?

– А сейчас посмотрим...

Сережа выбегает из номера и вскоре возвращается с узбеком.

– Вот, – дает он ему текст и тычет в него пальцем, – прочитай-ка, что здесь написано.

Тот долго рассматривает бумажку и с трудом начинает читать:

– Дыр-быр-бур... Ребята, это какая-то хреновина, извините меня. По-моему, такого языка вообще нет.

И тогда до Сережи доходит.

– Ну, паразиты, – грозит он, – я вам тоже сделаю! – И хлопает дверью.

..Они никого не хотели обидеть. Разве можно веселой шуткой обидеть кого-то?

ПАЛЁНЫЙ МАТРАЦ

Рассказал мне как-то приятель одну историю, которая приключилась с нашим известным актером Николаем Афанасьевичем Крючковым. Когда он был в Индии на Международном кинофестивале, то, хорошо угостившись у гостеприимного Раджа Капура, вернулся в гостиницу с огромной гаванской сигарой в зубах, воображая себя Черчиллем. С этой сигарой лег в постель и уснул. А ночью стал тлеть: у них там матрасы набиты сухой пахучей травой. Первым запах почувствовал его сосед по номеру, с которым он жил, не менее известный артист (к/ф «Цирк») Сергей Столяров. Залили все водой из граffi-

на, и получилась совсем неприглядная картина: грязь и чад.

В общем, назревал международный скандал: отель-то был президентским! Наш посол в Индии, к которому обратились друзья, не знал, что делать, и решил переждать какое-то время, чтобы выяснить, какие дипломатические шаги предпримет индийская сторона.

А оказалось все проще простого. Когда убитые горем Крючков со Столяровым открыли дверь в номер, то поразились: будто ничего и не произошло: все чисто, прибрано и вместо паленой гари пахнет индийскими благовониями.

Это у них — в азиатской стране. А у нас, в полуевропейской, в наших гостиницах актеры горят постоянно, и никто о международных осложнениях даже не думает и ни о каких санкциях не помышляет. И не по причине деликатности жилищной администрации, а благодаря находчивости самих погорельцев.

Расскажу в связи с этим лишь о двух историях, которые мне запомнились.

ГОРЯЩИЙ ЛЕМУР

Был у нас в Театре на Малой Бронной замечательный артист Саша Юдин по прозвищу Лемур, потому что он все делал как-то заторможено, как лемур где-то на Мадагаскаре, который медленно лазит по деревьям и лениво срывает листочки. Между прочим, Саша был из какой-то старой аристократической семьи, и когда он называл фамилии тех, кто был близок с их семьей, можно было представить внушительный круг их знакомств.

У Саши почему-то никогда не было никаких денег, но при этом он умел сохранять аристократическую независимость. Он, например, переходил улицу там, где ему хоте-

лось, не обращая внимания ни на светофоры, ни на постовых. Вот как-то они с Геннадием Сайфулиным переходят улицу где не положено, и раздается милицейская трель. Они подходят к милиционеру, и тот говорит:

– Будьте добры, заплатите штраф.

Лемур оборачивается к Сайфулину.

– Слушай, отдай этому жлобу шесть рублей.

Гена, конечно, платит. У него и в мыслях нет, что Лемур отдаст ему эти три рубля.

Однажды он пригласил кого-то в ресторан:

– Пойдем, посидим часочек, расслабимся.

Почему бы и не пойти, если приглашают? И они пошли. Расслабились. И вот когда официант принес счет, Лемур повернул голову к своему товарищу: мол, чего не платишь? А тот:

– Саш, ведь ты меня приглашал!

– Да, но я не ожидал, что у тебя нет денег.

– Откуда? Ни копейки!

Пришлось им что-то оставить в залог и на другой день изыскивать средства. А вообще-то это был хороший парень и добрейшей души человек.

И вот как-то мы приехали на гастроли в Свердловск. Тогда появились модные амери-

канские сигареты «Астр». Наши сигареты постоянно гасли, и через несколько затяжек их приходилось снова прикуривать. А американские не гасли. И тут у Лемура случилось несколько свободных дней, и он празднично проводил их в своем номере, приглашая друзей и подруг. И вот как-то, оставшись один, он лег с сигаретой на кровать и уснул. Постель загорелась. И несмотря на то, что нижняя часть его тела начала уже поджариваться, он не просыпался.

Дежурная увидела, как из всех щелей его номера валит дым, и стала стучать в дверь. Никакой реакции – ни на стуки, ни на крики, ни на шумную панику в коридоре. Тогда она выбила дверь, и дым повалил в коридор. Саша приподнялся на кровати и удивленно спросил:

– Боже мой, что это? Пожар?

Подошел к телефону и стал тыкать пальцем в дырочки телефонного диска. Но ему никак не удавалось попасть в дырочки этого диска и вызвать пожарную команду. Дежурная между тем схватила кувшин с водой и стала заливать постель.

Все имело жуткий вид: стгорело одеяло, простыни, начал тлеть матрац и обуглилась

царка – боковая доска у кровати. Начался жуткий скандал. А Сашку отправили в больницу, потому что ползадницы у него представлял один огромный пузырь. И потом разразился скандал уже на городском уровне – дошло до горкома партии. И там сказали, что эту труппу, которая чуть не сожгла гостиницу, надо гнать из города поганой метлой. В конце концов, дело с трудом удалось уладить, но предупредили, что в номер явится комиссия и обследует, как и что произошло. Директор в свою очередь заявил, что виновник происшествия уже уволен из театра и больше такого безобразия не повторится.

А в это время с труппой работал плотник, которого взяли на гастроли в качестве монтировщика. Позже я узнал, что это бывший таксист, который сбил насмерть человека, но в этом происшествии его вины доказано не было. Тем не менее он сам решил год-два не ездить, пока не пройдет шок. И вот он пришел к Лемуру и сказал:

– Саша, зайди в магазин «Ткани», там есть полосатый материал, купи три метра и дай мне ключи от своего номера. А ты найди себе партнеров по бильярду и погоняйте в холле шары. Стучите, как можно громче шарами и

как можно громче реагируйте на каждый удар.

Лемур так и сделал. Купил ткань и отнес ее в чемоданчике в номер. Отдал ключи плотнику. И собрал компанию бильярдистов. Стали играть. Все кричали, визжали, хохотали, короче, буйно резвились. А администраторша смотрела и ворчала:

– Господи, ну что это за люди! Ведь, паразит, чуть гостиницу не сжег, ползадницы у самого сгорело, а ему хоть бы что! Веселится еще!

Прошло часа полтора, наш плотник вышел из номера, незаметно передал ключи Лемуру и сказал:

– Саша, все в порядке.

Когда Саша вошел в номер, то увидел: матрац новый, стенка отполирована и следов пожара вообще нет! Остался только запах гари. И тогда Саша, то ли по совету товарищей, то ли по собственной догадке, обходит все номера и спрашивает:

– Ребята, у кого есть цветы?

А после каждого спектакля, как известно, артистам дарят цветы, а уж «звездам»-то – обязательно. И вот тихо-тихо в номер Лемура стали нести цветы. Саша взял у кого-то

роскошную пижаму (своей-то у него никогда в жизни не было). И когда должна была прибыть комиссия, Саша был готов к ее приему.

Раздался стук в дверь. Саша спросил поставленным голосом:

– Кто там?

– Это комиссия.

И тогда Саша спросил:

– А скажите, пожалуйста, в комиссии женщины есть?

Из-за двери грубый голос ответил:

– Есть, есть! Женщины тоже есть!

И Саша сказал:

– Я не могу вас так принять, я еще в постели, я в пижаме.

Через короткую паузу ему сказали:

– Ничего. Открывайте.

Саша открыл дверь, и в номер вошла комиссия во главе с директором гостиницы, администратором, директором театра и какие-то чины местной власти. Все они как вошли, так и замерли. А Саша отбежал к кровати и лег в чужой роскошной пижаме. У кровати лежали книги по цветоводству, стояли вазы и банки с шикарными цветами, и все благоухало – все дезодоранты, которые были у дам, Саша опустошил.

Администраторша после короткого шока вдруг закричала:

– Нет, нет! Встаньте сейчас же! Встаньте сейчас же! – И к комиссии: – Он вчера бегал голый, звонил, пытался вызвать пожарную команду!

Саша, пожимая плечами, встал, а она сорвала с кровати одеяло, простыню, и все увидели совершенно новый матрац,

– А-а! – продолжала вопить администраторша. – Сгорела вся деревяшка!

Она перевернула матрац и увидела отполированную деревяшку. Наступила тишина. И в этой тишине раздался нежный шепот директора гостиницы:

– Вон отсюда, идиотка! – потом радушно улыбнулся артисту и сказал: – Товарищ Юдин, мы просим у вас прощения за эту дурю, которая доставила вам столько беспокойства. Я приношу извинения директору театра и всем артистам труппы...

– Ну, мало ли что бывает! – улыбнулся Саша. – Не будем на нее сердиться.

Директор театра остался очень доволен, что все так хорошо кончилось. Но он чувствовал, что ему все-таки надо на это как-то отреагировать. Он обратился в местком, а там

были все Сашкины друзья, и все обошлось. Зато когда пришел другой директор театра, с Лемуром опять возникла ситуация. И его все-таки решили увольнять.

Тогда главным режиссером у нас был Александр Леонидович Дунаев. Я пошел к нему выручать Лемура. И не успел войти в кабинет, как он замахал руками.

– Дуров, все знаю, знаю, знаю, зачем вы пришли! И на эту тему не может быть никаких разговоров! Все! Хватит, хватит, хватит!

Я сказал:

– Александр Леонидович, ведь это замечательный парень. Уволите вы его из театра, он же погибнет. Он отличный актер, безотказный. Когда нужно, он с одной репетиции вводится в спектакль. Сколько раз он и меня выручал.

– Нет, нет, нет! Я непреклонен!

В общем, наш диалог продолжался довольно долго. Я его уговаривал, уговаривал и наконец почувствовал, что вроде бы склонил к тому, чтобы Лемура не увольняли. Дунаев во время разговора ходил по кабинету. Вдруг он подошел к окну и, стоя ко мне спиной, сказал:

– Ну, Лев Константинович, вы попались! И я вместе с вами. Идите сюда.

Я подошел к окну и вижу: прямо против окна Дунаева стоит Лемур в позе известной тогда скульптуры «Пионер-горнист». Он стоял, запрокинув голову, только вместо горна он прижимал к губам горлышко бутылки с вином и опустошал ее с каким-то сладострастием.

– Александр Леонидович, извините, – сказал я и вышел из кабинета.

Вот так закончилась сценическая карьера артиста Саши Юдина по прозвищу Лемур...

ИСЧЕЗНУВШИЙ ДИВАН

Режиссеры Смирнов и Яшин снимали в Тирасполе картину «Пядь земли», в которой мне была предложена роль. Я приехал на съемки в тот момент, когда город находился в сложной ситуации: чрезвычайное положение, комендантский час и прочее. Там в это время разразился жуткий скандал. Первый секретарь горкома влюбился в жену второго секретаря и отправил его куда-то в командировку. А сам поехал с его женой за город развешаться. За рулем, конечно, был он сам. Они гуляли-гуляли по красивой пересеченной местности, пока не стемнело. Стояла тишина, и все располагало к интимной обстанов-

ке. И вдруг раздался жуткий металлический лязг, скрежет и пошли танки. Оказалось, что влюбленные забрели на танкодром, а у танкистов начались ночные учения, и боевые машины пошли с погашенными огнями. Кстати, на этом самом танкодроме мы снимали некоторые эпизоды картины.

Первый секретарь подхватил свою даму, они выбрались на шоссе, но машину свою не обнаружили. В город пришлось возвращаться на попутке.

Первый секретарь горкома был в то время царь и бог в своей епархии – его каждая собака знала. И слух о том, что он поехал с женой второго секретаря за город, сидя сам за рулем, а вернулись они на попутке, облетел город за мгновение.

Но в танковой бригаде, конечно, ничего об этом не знали, и учения шли своим порядком. Первый же танк наехал на горкомовскую «Волгу». Раздался дикий скрежет, и танкист, чтобы не навлечь на свою голову беды, проскочил дальше. А может быть, он просто не расслышал этот скрежет за грохотом мотора. И за этим танком прошла по этой «Волге» вся танковая колонна. И только утром обнаружилась большая лепешка искоре-

женного металла, на которой красовался именной знак – номер – горкомовского автомобиля.

Начался чудовищный скандал. И тут вернулся второй секретарь горкома, которому обо всем доложили. Он ворвался в кабинет первого, выхватил револьвер, а секретари тогда были вооружены, чтобы обороняться от любимого народа, и пытался застрелить своего соперника. Но то ли не попал, то ли вышла осечка, убийства не произошло.

И вся эта история дошла до Москвы. Приехала огромная комиссия разбирать этот чудовищный инцидент. Как писал наш великий поэт Некрасов: «Суд приехал, допросы, тошнехонько...»

Вот в это самое время мы и оказались в Тирасполе.

А в нашей съемочной группе был артист Витя Сускин – высокий красавец и очень-очень добрый человек. К тому же застенчивый, как девочка. Он никогда не участвовал ни в каких спорах, дискуссиях, интригах. Сам говорил мало, но любил слушать с замечательной, доброй улыбкой на лице. И вот как-то у него выдались свободные дни, когда он не участвовал в съемках. И Витя пошел гулять по городу.

А в этом городе через каждые десять шагов стояли бочки с сухим вином и палатки, в которых тоже продавали разных сортов сухие вина. Витя шел, улыбался прохожим, останавливался у каждой бочки, у каждой палатки, дегустировал вина и вернулся в гостиницу в умиротворенном состоянии.

А тут тоже появились эти неугасимые американские сигареты «Астор». Витя пришел в номер, закурил эту «Астор», лег на кровать и уснул.

Проснулся он от того, что стал задыхаться – номер был наполнен дымом. Гостиница была новая и, по всей видимости, рамы и двери были сделаны из сырого дерева, они очень плотно закрывались и дым в коридор не проникал. Когда Витя очнулся, то первым делом выпустил через фрамугу весь дым, залив предварительно диван водой. Но оказалось, что в середине дивана образовалась огромная дыра – огонь прожег диван насквозь.

В этот день я тоже был свободен и сидел в своем номере. И вот раздается телефонный звонок.

– Левочка, – спрашивает Витя, – у тебя есть сумка? Чем больше, тем лучше.

– Есть, – говорю, – но она с вещами.

– Освободи ее и зайди с ней в мой номер.

Я освободил сумку и пошел к нему. И тут вижу, идет еще один актер, и тоже с большой пустой сумкой. Я спросил:

– Ты не к Вите Сускину?

– Да. А ты не знаешь, в чем дело?

– Нет, но он просил меня прийти с большой сумкой. Ладно. Дошли до номера, постучались, и Витя открыл дверь. Мы увидели на полу аккуратно сложенные кусочки дивана, аккуратно сложенные пружинки, а Витя допиливал последние части этого дивана.

– Я уже кое-что отнес, – сказал он, – а теперь мы сложим остатки в ваши сумки, и отнесите их, пожалуйста, на стройку – это через квартал. И выбросьте там все это через забор.

Мы сложили все, что могло поместиться в сумки, дошли до этой стройки, перекинули мусор через забор, вернулись и увидели, что Витя уже подмел, опилки собрал в кулечек, свернул остатки пружинки, положил в наши сумки и тщательно протер пол мокрой тряпкой.

– Ну вот и все, – удовлетворенно сказал он. – Дело сделано...

И в самом деле, никакого шума и скандала по этому поводу не было – на отсутствие дивана просто не обратили внимания.

Через какое-то время я встретил Витю на улице Горького. Мы обнялись, разговорились.

– А знаешь, Левочка, – сказал он, – я ведь из профессии ушел – я теперь не актер.

И я подумал, что это каким-то непостижимым образом связано с той историей, и сказал ему об этом. Как ни странно, я оказался прав.

– Вот ты помнишь, – сказала он, – как вы помогли мне тогда в Тирасполе. Так вот в тот день, когда мы уезжали из города, ко мне зашла администраторша. «Товарищ Сускин, – сказала она, – а вот тут...» – и показала пальцем на то место, где раньше стоял диван. Я не выдержал, перебил ее и крикнул: «А что я его – съел?!». Она растерялась, пожала плечами и ушла. Вот и оказалось, Левочка, что артист-то я никудышный. Я даже не умею слушать. Я ведь даже не дослушал ее, а уже закричал. Вот тогда я и понял: ни на сцене, ни на экране мне не место... Сейчас я работаю по другой профессии, а по какой – не скажу. Может быть, ты обо мне еще услышишь.

Исчезнувший диван

И, расставаясь со мной, он так же, как и раньше, добро и широко улыбался. А я понимал, конечно, что шрам-то в душе его остался, потому что кино такое же заразное дело, как и цирк. Но об этом я уже много раз и писал и говорил. Очень трудно покидать и то, и другое. Очень...

Если пилот не может не летать, то актер не может не играть. Если его не будет окружать атмосфера игры, он просто задохнется в творческом вакууме. И он, порой даже бессознательно, ищет и находит для себя игровую ситуацию.

НЕ НАГРАДНОЙ ДЕНЬ

Это произошло накануне очередных майских праздников. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А когда мне что-то преподносят, я тонко, как большой интеллигент, шучу. И я говорю:

– Наконец-то вы созрели в Верховном Совете! А я-то уже давно был готов к этому! Во всех пиджаках дырок наковырял! А вы все там никак не мычите, не телитесь.

Так тонко, интеллигентно шучу.

На другом конце провода похихикали над моей шуткой и говорят:

– В среду к десяти утра просим прибыть.
И, будьте добры, без опозданий.

Я, конечно, как дурак, с утра шею вымыл, галстук нацепил и к десяти утра подъезжаю к этому мраморному зданию. Там часовые.

– Здравсьте, Дуров, вы чего?

Стало быть, узнали.

– Здравсьте, – говорю. – Мне тут позвонили... – и объясняю, что к чему.

А они говорят:

– Сегодня не наградной день.

– Как не наградной? Мне сказали, к десяти утра!

Тут они тоже занервничали, как и я.

– Сейчас, – говорят, – мы позвоним, куда надо, и все выясним.

Они ушли куда-то, приходят и говорят:

– Мы позвонили в секретариат. Вы знаете, ни в одном наградном листе вашей фамилии нет.

Я спускаюсь по ступенькам, выхожу на улицу, гляжу – машина. А облокотясь на нее, стоит довольный Юра Никулин и говорит:

– Приехал все-таки, дурачок!

И я, невзирая на флаг на здании, на мрамор, сказал все, что о нем думаю.

ЛЕВ ДУРОВ

– Кто звонил? – спрашиваю.

– Я, – говорит. – Кто же еще?

– Не стыдно?

– А тебе? – спрашивает. – Поверил, как маленький. Ну здравствуй, мальчик.

И мы обнялись.

«ТОЛСТЕЕ» ТОЛСТОГО

Ладно, думаю, больше я на такой крючок не попадусь. Проходит несколько дней после розыгрыша Никулина, раздается звонок.

– Дуров? – спрашивают.

– Дуров, – говорю, – Дуров. Что надо?

Мужик объясняет:

– Это звонят из «Совинфильма». С вами хочет встретиться Питер Устинов. Не могли бы вы...

И я перебиваю:

– У меня к вам предложение, «Совинфильм».

– Да? – заинтересовался дядька. – Какое же?

– Не пойти ли вам вместе с Питером Устиновым!.. – и уточняю куда.

А дядька не отступает и все настаивает. Я, значит, адресую еще длиннее. Слышу, он кому-то там говорит:

– Он посылает... Поговори ты с ним.

Трубку берет женщина. Ну я, конечно, опомнился.

– Простите, – говорю, – пожалуйста, я думал, это Ширвиндт или Никулин.

Она там упала сразу – она все поняла – и говорит:

– На самом деле вас хочет видеть Питер Устинов.

И я поехал на эту встречу, не понимая, зачем и что. Хотя... Драматург Питер интересный, актер замечательный, и дядька, как мне было известно, хороший.

Значит, приезжаю. А этот Питер такой огромный, как баобаб, здоровый и бородища на всю грудь. Он увидел меня и как заревет:

– Ле-е-ев!!!

И весь «Совинфильм» вздрогнул: мол, чего притворялся, что не знаком.

– Пи-и-итер!!!

К его пупку ухом прижался, орем! Все обалдели, думают – совсем с ума сошли. Думают,

откуда у Дурова такие связи с Англией? Кто-то смутился...

Ну, сели, чуть-чуть дали, и я спрашиваю:

– Чего тебе нужно, Питер?

По-простому его спрашиваю.

– Видишь ли, канадская телекомпания будет снимать по моей книжке многосерийную картину.

У него тогда вышла книжка «Моя Россия».

– Слышал, – говорю, – о книжке, но не читал.

– Подарю.

И тогда я спрашиваю:

– А я при чем?

– Я, – говорит, – буду играть самого себя, Питера Устинова. А ты будешь Львом Толстым.

– Ты что, обалдел? – спрашиваю. – Какой из меня Лев Толстой? Погляди на меня лучше.

– Нагляделся, – говорит. – Ты вылитый Толстой. Давай гримироваться.

Я и опомниться не успел, как гример уже взял меня в оборот. Мудрил он надо мной, мудрил, а когда закончил... нас всех разбил паралич! Меня первого. Поглядел я в зеркало: один к одному!

А гример спокойно так:

– Думаю, больше ничего не надо делать.

Я говорю:

– Братцы! Да что ж это такое? Я ведь хотел отмотаться! Куда же теперь?

И они провели опыт. Сфотографировали меня, и гример ходил с двумя фотографиями: моей и Толстого и всех спрашивал:

– На одной фотографии не Толстой. Где не Толстой?

И все тыкали пальцем в фотографию Толстого... Хотя бы кто-нибудь тыкнул в меня! Оказалось, я чуть-чуть «толстее» Толстого.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ И МИЛИЦИОНЕР

Ну, деваться было некуда, и повезли меня сниматься в Ясную Поляну. А по дороге произошла история, о которой я и хотел рассказать.

Я, конечно, при бороде. И Питер со мной. А ехали мы на «Чайке», списанной машине начальства. На той самой, которую у нас прозвали «членовоз». А выехали мы ра-а-но! И тут посреди дороги жутко жрать захотелось. Смотрю – слева сельмаг, справа – пост ГАИ. Я и говорю водителю:

– Притормози.

Он притормозил, а на посту – милиционер. Он как увидел... Конечно, подумал, что

какую-то правительственную машину пропускает, а его не предупредили. И он ссыпается по лесенке и несется к нам. А я забыл, что я – Лев Николаевич-то... Открываю дверцу и вылезая.

Господи, что тут с бедным милиционером случилось! У него лицо судорогой свело, вот клянусь! И слова не может сказать, только:

– Ва!.. Э!.. – И отмахивается, как от пчел.

А я решил подыграть и говорю:

– Подожди, милейший, граф есть хочет. В сельмаге есть что-нибудь?

Он трясется, как осиновый лист, и ртом воздух хватает.

– Нет!.. То есть, да!

И как дунул через дорогу! Питер трясется от смеха, а я ему говорю:

– Ты молчи! Ты мой слуга из Англии.

А в сельмаге действительно и «нет» и «да»: одни сушки. И на том спасибо, моему «слуге» понравились. Потом мне рассказывали, что, когда Питер улетал в Англию, он увез с собой целый чемодан этих сушек.

Между прочим, министерству внешней торговли следовало бы задуматься над этим фактом. Не умеем мы торговать!

В общем, приехали мы в Ясную Поляну и все, что нужно было, отсняли...

Там был один замечательный момент. Посадили меня за стол Толстого и вдруг операторы-канадцы расхохотались, глядя куда-то поверх моей головы. Я поворачиваюсь: за моей спиной фотография Толстого за этим же столом, и он тоже делает вид, что работает, как и я.

И вот отсняли мы все и возвращаемся в Москву. Глядим – на том самом посту пять милиционеров стоят.

– Питер, – говорю, – это нас ждут.

Притормаживаем, я вылезая из машины, и гаишники начинают хохотать.

– Дуров, – говорят, – твой на бюллетене!

– Кто это? – спрашиваю.

– Утренний. Он пришел к начальству и говорит: «С ума сошли! Толстой без охраны едет! А вы – ничего! Не приняли никаких мер!» Начальник спрашивает: «Вася, какой Толстой?» А он: «Писатель! Знать надо!» Начальник говорит: «Спокойно, Вася, сними португепю, сдай оружие...» Разоружили его на

всякий случай, позвонили домой и сказали: «Клава, твой – плохой, едет домой, вызывай врача». Выяснилось, что у него был нервный шок. Дали бюллетень на десять дней.

Но оказалось, что это еще не конец истории. Когда Питер Устинов был уже в Англии, в журнале «Иностранная литература» вышел его рассказ «Лев Толстой и милиционер». Рублей семь, наверное, получил за него.

А после того, как у них там, в Англии, показали по телевидению сериал, мне прислали оттуда газету с рецензией. Серия, где я снимался в Ясной Поляне (она называлась «Бородино»), была признана лучшей. Пустячок, а приятно. А что? Не было бы Васи и сельмага с сушками на тульской земле, я, может, и не вошел бы так органично в образ великого писателя.

ПРИГЛАШЕНИЕ в Голливуд

Прошло какое-то время после того, как Никулин вызвал меня в Президиум Верховного Совета за получением ордена Трудового Красного Знамени, и меня приглашают в дирекцию театра. Там мне вручают шикарный конверт – весь в штампах и печатях. Вскрываю и вижу отпечатанное на машинке письмо на английском языке. Нашел переводчика, и тот мне перевел, что фирма «Парамаунт» приглашает меня в фильм «Пятеро». И что из советских артистов предлагают сниматься еще господину Никулину. С американской стороны участвуют Пол Ньюмен и еще какой-то популярный артист. Я сразу все понял и позвонил Никулину.

– Владимирыч, – сказал ему, – больше ты меня не купишь. Кончай свои розыгрыши.

– Ты о чем? – спрашивает.

– О письме из Голливуда.

– Значит, ты тоже получил? – радуется Никулин. – И мне прислали. Не веришь? Сейчас я к тебе Макса с этим письмом пришлю.

Приезжает его сынишка и передает мне точно такой же конверт, в котором лежит письмо с переводом. В нем сказано, что господину Никулину предлагают роль в фильме «Пятеро», и что из советских артистов предлагают еще роль господину Дурову и т. д. Звоню Никулину.

– Юра, – говорю, – извини. А я думал, ты разыгрываешь. Ну что ж, поедем, научим их, как надо работать.

Проходит неделя, никто не интересуется моими связями с США, и министерство культуры молчит. Звоню Никулину.

– Владимирыч, – говорю, – ты чего-нибудь получал еще оттуда?

– Нет.

– Тогда, – говорю, – ну их к черту! А то дома уже все волнуются, когда дед поедет, чего-нибудь привезет.

– Не поедем, – соглашается Никулин.

Приглашение в Голливуд

– Не поедем – пусть прозябают.

Никулин помолчал немного и спрашивает:

– У тебя конверт далеко?

– Вот он, – говорю, – на столе.

– Возьми его в руки.

Я взял.

– Там есть большая треугольная печать? – спрашивает.

– Есть.

– Прочти, что на ней написано!

– Так там же по-английски.

– Но буквы-то ты знаешь, вот и читай.

Я читаю. А там написано: «Счастливого пути, дурачок!»

КОТОЗАЯЦ

Когда я играл Анастаса Микояна в фильме «Серые волки», мы поехали сниматься в Завидово – это правительственный заповедник. Там начинается сцена охоты на волков. Никто, конечно, никаких волков не убивает. Их сшибают снотворным, обливают красной краской, и они спокойно лежат. Спят.

Стою я как-то и чего-то жду. А рядом топчет какой-то человек в телогрейке. А за воротами телогрейки вижу на нем синий мундир. А солдатская ушанка сидит на нем как генеральская папаха. Весь подтянутый,

красивый, и у него такое замечательное лицо: загорелое, здоровое. И его южный загар резко контрастирует с белым-белым снегом. И вот этот красавец долго топтался вокруг меня, пока я не выдержал и не спросил:

– Вы что-то хотите мне сказать?

А он и спрашивает:

– Константиныч, ты знаешь, кто я такой?

– Нет, – говорю, – не знаю.

– Я егерь Политбюро.

– Прости, – говорю, – но Политбюро уже сто лет как нет.

– А вот про меня забыли.

Вытаскивает трудовую книжку и показывает. Читаю и действительно: «Главный егерь Завидовского заповедника».

– Вот, – говорит, – вы про Хрущева тут снимаете, а ты знаешь, что Хрущев мне чуть всю жизнь не искалечил? Сейчас поймете, о чем идет речь.

И пока он рассказывал мне свою историю, я и плакал и губы себе перекусал. Перескажу эту историю так, как я ее запомнил.

«Помните, – начал он свой рассказ, – когда Вальтер Ульбрихт был у нас в России самым дорогим гостем? Никита всегда встречал его

как родного. Уж и не знаю, чего он так полюбил его. Бог с ним. И вдруг звонок: Хрущев с этим Ульбрихтом приезжают на заячью охоту. А зайцев у нас в заповеднике нет! Что делать?

Ну, мы привыкли ко всему. Приезжают члены Политбюро, им солдаты выталкивают оленей, кабанов, кому что нужно. Они их стреляли и хвастались потом своими охотничьими трофеями.

Делать нечего, поехал я в соседнее хозяйство, поменял на бутылки зайцев и привез их в клетке. А зайцы, паразиты, оказались очень хитрыми и умными. Они ночью умудрились открыть эту клетку и удрали.

Утром мне говорят:

– Слушай, главный, нет зайцев – все ушли.

– Братцы, – говорю, – что же будем делать?

А в это время слышу: «Вау! Вау!» – сирены орут. И едут с мигалками «членовозы». Я выбегаю навстречу и уже понимаю, что мне сейчас будут кранты, зная крутой характер Никиты. Вот машины останавливаются и вылезает из своей Никита. Я поприветствовал его и говорю:

– Никита Сергеевич, знаете, сейчас не сезон, и зайцев в заповеднике нет.

Тут он побагровел и стал топтать ногой. Кричит:

– Как нет?! На Руси нет зайцев? Да я тебя сгною! У тебя дети попросят хлеба, а знаешь, что ты им дашь? Вот что ты им дашь!

И показывает определенный жест, что я им дам.

Короче, орал он, орал, орал, а потом и говорит Ульбрихту:

– Пошли!

И они зашли в охотничий домик.

Я стою и думаю: «Действительно, он меня, конечно, выгонит, а что я детям дам?..» И тут мне в голову приходит потрясающая идея.

Я вспомнил, что у нас в баньке висят заячьи шкурки. Какого черта они там висели – понятия не имею. Но я подумал: поймаем на помойке кота, зашьем его в шкурку и выпустим под стволы. Все равно руководители сейчас напьются и ни хрена не поймут. Так наш номер и пройдет.

Послал я ребят на помойку, они поймали одного голодного кота сеткой и зашили в эту заячью шкурку. Но, как известно, коты очень своенравные животные, самолюбивые и страшно обижаются, когда над ними измываются».

ИСТОРИЯ КОТА МАРТА

Здесь я перебую егеря и в подтверждение слов рассказчика расскажу историю своего кота Марта. Это был замечательный кот. Его кто-то выбросил из форточки в марте (отсюда и его имя), мы его подобрали и выкормили из пипетки. Это был преданный дому кот.

А тут как раз был юбилей Юрия Никулина, и мы с котом пошли его поздравлять. Март должен был читать приветственный адрес юбиляру. Я был уверен, что кот прочтет. Мы вышли с ним на сцену, и как я ни пытался заставить его читать, он отказывался. Я его стыдил:

– Как же так! Мы с тобой репетировали дома, и ты прекрасно читал. Ну тогда просто скажи Юрию Владимировичу, что мы поздравляем его с юбилеем. Ну, скажи!..

Кот, конечно, молчит. Тогда я говорю:

– Ну, скажи просто – Юра!

Он опять молчит. Мы уходим с ним за кулисы. А у меня уже была приготовлена кровавая рубашка, а на теле мне нарисовали кровавые полосы. И через секунду я вылетал из-за кулис, как бы истерзанный котом. Брал с пола приветственный адрес и зачитывал его.

Успех был ошеломляющий. Даже Карандаш сказал: «После Дурова я не выйду на сцену». Хотя у него поздравление было с живым крокодилом.

Но мой кот Март жутко обиделся на публичное оскорбление и ночью исчез. Больше я его не видел...

Прошу прощения у егеря, что я его перебил.

«Так вот, – продолжал егеря, – когда мы зашили кота в заячью шкурку, его вроде как бы парализовало. Он, видно, не мог понять, что с ним делают. Получился этакий котозаяц. Он не бежал, не прыгал, а мог только ползти.

Значит, после этой процедуры иду я в охотничий домик. Стучусь. Захожу.

Никита увидел меня, нахмурился.

– Чего тебе? – спрашивает.

– Зайцы, – говорю, – появились.

– Ну вот! А ты говорил, что зайцев нет! Ульбрихт, пошли!

Они хватают ружья и выскакивают на крыльцо. И видят, ползет это чудовище – котозаяц. Они вскидывают стволы и – бах! бах!

И вдруг этот заяц: «Мя-а-у!» – и на сосну. Ульбрихт от такой сцены упал в обморок. А Никита орет:

– Второй раз Германию победили! Завалили немца!

Тут вызвали «неотложку», Ульбрихта увезли, а Никита еще три дня пил в этом домике. И каждое утро выходил, чтобы посмотреть на кота, который сидел на ветке и боялся спуститься вниз.

– Все сидишь? – спрашивал его Никита и предупреждал охрану: – Вы мне этого зайца не трогайте. Не стреляйте в него. Он мне второй раз Германию победил!

На третий день «заяц» пропал, видно, все-таки сполз от голода. А Никита, уезжая, все спрашивал и наказывал:

– Вы запомнили его? Смотрите, не стреляйте.

А потом по распоряжению Никиты мне выдали премию. Правда, не знаю за что.

А еще позже Никита рассказывал, как он был в больнице у Ульбрихта и тот сказал: «Никита, какой же дурак был Гитлер, что пошел на державу, где зайцы по соснам лазят».

Я рассказал эту историю так, как запомнил. Потом ее где-то перепечатали и, как обычно, все перепутали и переврали. Как переврали и другую историю, свидетелем которой я был

сам. А если не верите, спросите любого из группы, с которой в это время приезжала Галина Сергеевна Уланова в Осташково. Они снимали там в это же время фильм о великой балерине, которая родом откуда-то из-под Осташково. Местные жители запомнили ее как прекрасную, скромную женщину, которая никогда не рассказывала о своих успехах, наградах, триумфах. Она просто говорила с людьми о жизни, о женских проблемах, о детях. И нельзя было даже заподозрить в ней великую актрису, неподражаемую балерину.

Так вот вторая история, чем-то напоминающая первую, такова.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Мы снимали дом в Осташкове. А в те места каждый год приезжали иностранцы – охотники на медведей. Они платили за лицензию какие-то большие суммы. А если заваливали медведя, то должны были заплатить, если не ошибаюсь, что-то около десяти тысяч марок. В основном приезжали немцы из Западной Германии.

Вот как-то приехал такой немец, поселился в гостинице Осташкова и ждет, когда ему найдут медведя в берлоге. Он живет, а медведя все никак не найдут. Нет медведя! А срок лицензии кончается, и десять тысяч марок накрываются медным тазом. Что делать?

И тут кто-то вспомнил: в соседнем городе гастролирует цирк, и у них там есть медведь, у которого обнаружили катаракту, и поэтому он уже не может работать, и его хотят усыпить. И умные ребята решили: все равно ему погибать, поедем возьмем его для дела.

Приехали, посмотрели. Медведь, действительно, сидит грустный в клетке. Ну они расплатились за него водкой и привезли к себе.

Тут же доложили немцу, что наконец-то медведя прикормили на овсах и завтра надо идти на охоту.

Немец затемно залег в овсах со своим ружьем и ждет. Егеря сняли с медведя намордник и выпустили. Ну, Мишка, наверное, подумал, что начинается спектакль и пошел на задних лапах, как по манежу. А передними размахивает и кланяется во все стороны.

А рядом тропинка была, и по ней ехала дачница на велосипеде с авоськой, в которой лежали продукты. Она увидела этого медведя – брык! – бросила велосипед и кинулась бежать. Медведь не погнался за ней. Он спокойно подошел к велосипеду, сел на него и поехал.

Этот немец два месяца пролежал с инфарктом в реанимации в осташковской больнице. Потом его перевезли в Калинин.

Не знаю, чем закончилась история с марками, но, думаю, немцы надолго запомнили и заячью, и медвежью охоту.

Да что иностранцы! Для них всякое русское животное – экзотический экземпляр. Но мне самому всю жизнь попадаются странные животные. С отклонениями.

НАВОЗНЫЙ БАРЕЛЬЕФ

Вот помню случай, который произошел со мной, когда я еще учился в Школе-студии. Мы всем курсом выехали как-то в Подмоскowie к кому-то на дачу. Развезаться. И вот во время пирушки я увидел мирную буренку и решил изобразить перед ней тореадора.

Это уж потом, лет через тридцать, я прочитал, что корова опаснее быка, потому что она во время атаки глаза не закрывает, а быка тореро практически водят за нос.

Так вот, паясничал я перед этой буренкой, паясничал, ей, видно, это осточертело и она прыгнула на меня. И я в тяжеленном дядюшкином пальто рванул стометровку, как Джонсон. Сзади что-то ударило по голове, я упал

лицом в траву и решил, что меня забодали. Встал на колени и понял, что вдобавок ослеп. Пощупал лицо рукой – что-то не то. И снял с лица... засохшую коровью лепешку, в которой четко отпечатался мой барельеф, как по-смертная гипсовая маска Петра Первого.

Однокурсники торжественно повесили «навозный барельеф» на гвоздик, открыв «буренкинско-дуровский мемориал».

А буренка, сказали мне, вовсе и не пыталась за мной бежать. Просто она не привыкла видеть фиглярство, и прыгнула, чтобы пугнуть меня. А на «финише» я наступил на грабли, и удар пришелся точно по затылку.

Кто-то из студийцев запечатлел этот исторический момент. Это был прекрасный кадр!

Кстати, когда я смотрю на эту фотографию, то всегда вспоминаю анекдот.

«Новый русский» гуляет с сыном по парку и останавливается возле художника, рисующего пейзаж. Встав за спиной мастера, «новый русский» назидательно говорит наследнику:

– Видишь, как мужик без «полароида» мучается...

Но это к слову. Я ведь хотел рассказать о странных животных...

ЛАЮЩАЯ КОРОВА

Однажды приехали мы со съемочной группой в деревню Гущи на озере Селигер. Там должны были снимать эпизоды одного фильма. Все идет хорошо. Работаем. И вот как-то ребята мне говорят:

– Лева, ты вон в ту избу пойди. Там живет замечательная тетя Сима, она молоко парное дает с черным хлебом. Вкусно!

Я и пошел. Открываю калитку, вхожу во двор... Вдруг из-за угла выскакивает корова, по-собачьи бросается в мою сторону и... лает! Лает на меня, как пес цепной, и все движения у нее собачьи. Бог мой!

Я вылетел на улицу, упал в пыль. Вслед за мной выскакивает эта самая тетя Сима и орет, сначала мне:

– А, артист! Испугался! То-то же! – Потом корове: – Пойдем, Милка, домой!

И Милка, как собака, мирно пошла за ней.

Что же оказалось? Тетя Сима – сама алкашиха и корову свою споила: каждый день подливала ей в поило самогон. Хмельная корова общалась только с одним живым существом – с хозяйской собакой. С пьяных глаз и стала ей подражать. А потом у коровы высохло вымя, она вконец утратила «национальное самосознание», научилась лаять и бросаться на чужих.

ОКОЛДОВАННЫЙ МУСТАНГ

А случай, происшедший со мной в Латинской Америке, наверное, все же связан с чертовщиной, с ведьмачеством. И животное здесь действовало под чьими-то колдовскими чарами.

Сам я к «потусторонним явлениям» отношусь скептически. Но однажды мой скепсис был подвергнут серьезному испытанию.

Это было в Мексике. Мы снимали фильм. И как-то утром режиссер собрал всю русскую группу и говорит:

– Сейчас мы едем в город Катемака. Только что там закончился слет черных ведьм. Я умоляю отнестись к моим словам серьезно: если кто-то из вас вдруг заметит на себе при-

стальной женский взгляд – отворачивайтесь и бегите!

Провели мы в этой Катемаке нормальный рабочий день. А после съемок я решил сфотографироваться на память. Там в массовке снимался один местный парень на настоящей ковбойской лошади. Я попросил у него – для экзотики – сомбреро и пончо, нарядился и взгромоздился в седло. Лошадник я старый, ездить верхом умею, лошадей знаю и чувствую хорошо. Эта лошадка была смирная, рабочая, у меня – ни шпор, ни хлыста. Приосанился я и говорю кому-то из наших актеров:

– Фотографируй!

И вдруг моя савраска мексиканская начинает пятиться, пятиться... и втискивается вместе со мной в невероятно узкую щель между какой-то бетонной стеной и толстенной пальмой! Резким движением поворачивает ко мне морду и со всего маху ударяется головой о пальму! Делает стойку и заваливается назад. Понимаю: все, конец – сейчас на меня рухнет махина в полтонны весом... И мы падаем! Рядом!

На следующий день приходит ко мне в номер наш оператор Толя Мукасей и спрашивает:

– Слушай, когда вчера в Катемаке снимали, говорят, лошадь на тебя завалилась. И где ты лежал?

– Между бетонной стеной, – говорю, – и пальмой.

– Точно?

– Ну, а как же! Я от пальмы отжимался, что было сил, и головой упирался в стену. А чем ты озабочен?

– Ты, – говорит, – там не мог лежать. Мне показали это место – там даже лошадь одна не помещается.

В ближайший выходной поехали мы с ним в Катемаку. Взяли операторскую рулетку. Замерили. Точно! Пространство настолько узкое, что там и жеребенок не уместился бы – ширина седла, не больше. Ни бетонную стену, ни пальму отодвинуть, сами понимаете, невозможно... Но я там лежал! Рядом с лошастью!

Режиссер объяснил невероятное происшествие так:

– В массовке явно была ведьмачка, это ее работа. Вы же громче всех подшучивали над моими предупреждениями. Вот она вас и напугала.

С другим артистом из нашей группы неприятность приключилась похлеще моей.

У него, когда мы вернулись из Мексики в Москву, дикие боли в сердце начались. Просто умирал! Врачи ничего понять не могли, никакой болезни не находили. Продолжалось это около года. А потом ему один художник посоветовал, специалист по магии и чертовщине всякой: мол, в момент приступа постарайся как можно более ясно представить крест. Большой, деревянный. И пусть этот крест в твоём воображении вспыхнет.

Больной так и сделал. И все прошло. В одну секунду, после года бесполезного лечения и мучений.

Но я так до сих пор и не понял: то ли действительно мексиканские ведьмачки такие зловредные, то ли эта ковбойская савраска оказалась со странностями. Все-таки, что ни говорите, а иностранные животные здорово отличаются от наших и характером, и поведением.

РОДИЛСЯ В РУБАШКЕ

А вообще говоря, смертельные опасности подстерегали меня с самого детства.

Однажды, сразу после войны дело было, один контуженный офицер стрелял в меня буквально в упор. Манией преследования страдал. Три пули просвистели в сантиметре от лица! Как он умудрился их в меня не влечь — не знаю. Какой-то военный мимо проходил, прыгнул на этого сумасшедшего, повалил...

А когда в городе Переславле-Залесском снимали фильм «Не валяй дурака!», я опаздывал

на очередную съёмку. Шел проливной дождь, и я мчался на своих «Жигулях» со скоростью сто сорок километров в час. И на таком ходу у меня вдруг взорвался баллон. Автомобиль сто метров крутило по шоссе – я гравий весь снес! Как встречные машины от меня уворачивались, до сих пор понять не могу. С дороги улетел так далеко, что, когда потом машину вытягивали, одного троса по длине не хватило. От шины только лохмотья остались. Но – миновало.

Я за рулем не могу ездить медленно. Нарушаю все, что можно нарушить. Друзья садиться ко мне в машину отказываются. Больше одного раза никто не выдерживал.

Я как-то Москву американской актрисе показывал – возил ее по городу целый день. Она потом директору нашего театра письмо прислала с такими строчками: «Кланяйтесь господину Дурову и передайте ему, пожалуйста: красный сигнал светофора означает, что нужно остановиться, а не ехать быстрее. Я хотела бы в следующий раз увидеть этого актера целым куском».

То же самое мне не раз пытались объяснить и гаишники. Но я нашел оружие против ГАИ – безотказное. Меня чуть ли не каждый день тормозят и, когда я выхожу из машины, узнают сразу же и говорят со вздохом:

– Ну, Дуров, что делать будем?

А я отвечаю:

– Милиционер, давай обнимемся!

Срабатывает моментально и всегда! Главное – не произносить пошлых фраз типа: «Командир! Не стыдно артиста грабить?» Меня один замечательный гаишник как-то раз на всю жизнь от такого обращения с милицией отучил. Знаете, что ответил?

– Лев Константинович Дуров! Я вас очень уважаю как профессионала. Позвольте же и мне быть профессионалом на своем месте! – А потом еще добил, крикнув вслед: – Берегите себя! Вы нам очень дороги!

А что – опасность? Так ведь судьба везде настичь может. И на сцене тоже, кстати сказать.

Мы с Леней Каневским играли когда-то в пьесе Саймона «Весельчаки» двух старых эстрадных артистов, которые всю жизнь ссо-

рились. И вот на одном из спектаклей, как раз когда на сцене у героев разыгрывается очередной скандал, мимо наших с Каневским носов, едва их не касаясь, падает деревянный брус – двадцать сантиметров шириной, семь метров длиной!

Я вижу, у Лени ноги отнялись. Он стоит и слова сказать не может. Что делать? Перешагиваю через брус и, обращаясь в зрительный зал, говорю:

– Вот вам всем кажется, будто самое мирное место на земле театр, а актер – самая безопасная профессия. Теперь вы поняли, что это не так?

И непонятно, кто говорит: Лев Дуров или герой пьесы, тоже артист. Многие, кажется, и в самом деле поверили...

А в ложе сидел наш друг Слава Третьяк. После спектакля заходит он в гримерку и говорит:

– Ну класс, ребята! Этот трюк с бревном у вас гениально отработан. Как вы не боитесь? Такая махина рядом с лицами падает!

А когда мы ему объяснили, что на самом деле произошло, он весь белый стал. Это Третьяк! Мужественный человек, который, стоя на коньках, ловил «кирпичи»...

«ЛОБОВ! ТРУСЫ ДЕРЖИ!»

Поскольку я упомянул имя Славы Третьяка, тут уж никак не избежать разговора о спорте.

Чем я только не занимался! Боксом, фехтованием, хоккеем, футболом и даже воздухоплаванием. Да-да, и не в качестве пассажира авиалайнера, – я самостоятельно вел воздушный шар с пассажиром на борту.

Но неизменная моя любовь, конечно же, футбол. Я играл за прекрасную команду Московского художественного академического театра. Так она и называлась – команда «МХАТ». А то, что она действительно была сильной, говорит хотя бы тот факт, что во главе ее стоял капитан Николай Николае-

вич Озеров. Чемпион страны по теннису, в футбол он играл за первую клубную «Спартак». Его уважали все судьи, потому что он играл тактично, элегантно, был истинным интеллигентом на поле. Когда в игре создавалась сложная ситуация и судья вел себя в ней некорректно, Озеров делал ему серьезные замечания, и тот ничего не мог ему возразить.

Мы играли за Райсоветы на первенство Рабис – работников искусств. У меня даже сохранился диплом за 2-е место в этом первенстве.

Я играл очень цепко. Когда мы начинали проигрывать, Николай Николаевич, – а тогда мы его звали просто Коля – говорил: «Оттянись назад». Это чтобы я ушел в защиту. И тут уж я стоял насмерть, и никогда не допускал, чтобы противник прорвался к воротам. Поэтому и противник меня не жаловал и относился ко мне с нескрываемой неприязнью.

Как-то в раздевалке, когда мы переодевались на игру, я услышал такой короткий диалог:

– Седой играет? – (была у меня и такая кличка).

– Играет.

– Убью!

Но меня это мало волновало.

В команде «Красный факел» нападающим был Лобов, здоровый, могучий малый. И так получилось, что в игре с этой командой я однажды провалился. Смотрю, этот Лобов выходит один на один с нашим вратарем. Голевая ситуация! По моей вине! И тогда я разворачиваюсь и – за Лобовым. Но вижу, я его уже не догоняю, и думаю: лучше пенальти, чем чистый гол. А пенальти, может быть, еще и не забьют. Бросаюсь, в прыжке хватаю Лобова за бедра и оказываюсь на газоне. И тут вижу, что-то у меня зажато в руке. Лобовские трусы! Поднимаю голову, а впереди мелькает что-то розовое. А на трибунах стоит дикий хохот и раздается свисток.

Лобов играл без бандажа и без плавок, и вдобавок у него была укороченная маечка. И вот в таком виде он продолжал бежать к нашим воротам. Что делалось на трибунах, нельзя и вообразить!

Команда «Красный факел» растерялась и, вместо того, чтобы прикрыть товарища и надеть на него трусы, стала вводить его в трусы, как лошадь в оглобли. Потом все же привели его в божеский вид, но с этого момента Ло-

бов как игрок пропал. Как только он выходил на поле, все кричали:

– Лобов! Труссы держи!

Потом он куда-то исчез. А меня за хулиганские действия на поле дисквалифицировали. Но Озеров сумел доказать, что в моих действиях не было ничего хулиганского – произошел несчастный случай. И меня вернули на поле.

МОЙ ВКЛАД В ФУТБОЛ

Смех смехом, а в историю футбола я все же вошел.

В том матче я играл в защите. И вот вижу – идут на меня такие же, как Лобов, два валуна, два нападающих. Создается ситуация, которая называется «коробочка». Это когда два игрока сходятся на игроке противника, он оказывается между ними и уже не может продолжать игру. Смотрю, чистая «коробочка». Озеров кричит:

– Осторожно!

А эти здоровенные прут, как танки. Ну, думаю, сейчас они в порошок меня сотрут. А обгоняя их, идет на меня навесной мяч,

ударяется о поле и летит в мою сторону. Я, не долго думая, оттягиваю на трусах резинку и ловлю этот мяч. Нападающие обалдели, затормозили и не знают, что делать – мяч-то у меня в трусах! Пока они стояли с раскрытыми ртами, я проскочил между ними и рванул к воротам противника. Трибуны буквально осатанели!

И вот я, беременненький, бегу, а рядом со мной бежит судья. Смотрю на него, а он не свистит, – я ведь мяч-то руками не трогал! И он не знает, что делать. Вот такая ситуация.

Вот так мы с ним бежали, бежали, потом он все же свистнул. Мы остановились, и он говорит:

– Вынимай!

– Вынимайте сами, – предлагаю и стою животом вперед.

В конце концов, делать ему было нечего, и он вынул у меня мяч. И объявил почему-то «спорный». Ну, тут на трибунах такое поднялось!..

А через несколько дней мне дали вырезку из «Советского спорта». Там было сказано, что вот на стадионе «Локомотив» произошел курьезный случай: игрок команды «МХАТ» Лев Дуров неожиданно поймал мяч в форму.

(Решили, видно, что слово «труссы» прозвучит неблагозвучно). И продолжал движение к воротам. Судья долго не мог принять решение и наконец объявил «спорный». Наверное, писал автор, он был прав, так как игрок не касался мяча руками. По всей вероятности, предложил журналист, в футбольные правила надо ввести параграф, запрещающий игру формой. Так я нежданно-негаданно скорректировал футбольные правила.

БРАТ ВЕТРА

А с воздухоплаванием у меня такая история произошла. Мы снимали картину под названием «День ребенка», где я играл гангстера. Во время детского праздника мы воровали ребенка, чтобы получить за него выкуп. Мы-то думали, что своровали принца, а на самом деле утащили нашего российского мальчишку. За нами гналась погоня, и я должен был сесть с этим мальчишкой в корзину воздушного шара и улизнуть от этой погони. Нужно было снять только взлет, начало полета.

Стало быть, привезли этот шар и стали его накачивать горелками. А надо сказать, спортивная команда воздухоплавателей, которая

помогала нам в этой сцене, была очень серьезная. Командир нашего шара был даже чемпионом Европы. Значит, шар накачивают, а вся группа держит его за фал, чтобы он не взлетел раньше времени.

– Мотор! Начали!

Я хватаю ребенка, и мы прыгаем с ним в корзину.

– Бросайте фал! – кричу.

Все, как горох, рассыпались, остался висеть один фотограф – он был очень тучный и не такой ловкий, как остальные. Прыгнул он уже метров с четырех и вывихнул себе голеностоп. А мы с мальчиком полетели.

Смотрю вниз: и группа вся исчезла, и роща, где мы снимались. А шар плывет по ветру незаметно, только видишь, как под тобой меняется ландшафт. И вот мы летим, летим, летим. А я в огромной широкополой шляпе – как-никак гангстер. Проплываем над какой-то деревней, и мне кричат:

– Эй ты, в шляпе! Давай садись сюда к нам!

А я вижу, что мы вот-вот врежемся корзиной в дома и начинаю орудовать горелкой. Шар поднимается, мы перекатываемся через эту деревню и летим прямо на высоковольтные провода. Страшная вещь! Я уже не за се-

бя волновался – за мальчика. И смотрю – самолеты взлетают: где-то рядом аэродром. Тут я уж совсем расстроился. Ну, думаю, сейчас в нас врежутся...

Не знаю уж, какой силой воли я заставил шар опускаться на замеченный мною пяточок. Успел крикнуть мальчику:

– Распнись!

Мальчонка оказался сообразительным. Он схватился за веревочные петли и прижался к стенке. Слава Богу, мы опустились благополучно.

Подъехали местные жители на велосипедах, на мотоциклах. Стали гасить купол, чтобы он не уволок нас по земле. А тут подъехала и команда настоящих воздухоплавателей. Шар свернули и сказали, чтобы завтра я явился с ящиком шампанского.

Я явился. Меня сфотографировали на фоне корзины и выдали роскошный диплом, в котором на английском языке было написано, что мне присваивается звание «Брат ветра», за то что я в течение двадцати минут самостоятельно вел шар и благополучно посадил его.

ЧЕЛОВЕК-РОЗЫГРЫШ

Мои воспоминания о спорте много потеряют, если я не расскажу о своем друге Петюнчике. Он занимался наукой, но я знал, что он бывший спортсмен. И почему-то все его звали Петюнчиком.

Это был удивительный человек, который ни минуты не мог прожить нормальной спокойной жизнью. Он постоянно играл и кого-то разыгрывал. Без этого он просто не мог. Вдруг останавливался на улице, смотрел вверх и замирал.

– Вон, вон, вон... – начинал он бормотать. – Боже! Боже, это же надо!..

Вокруг него собиралась толпа, все смотрели вверх и вправду что-то начинали там ви-

деть. А Петюнчик отходил в сторону и наблюдал за всем этим как случайный прохожий.

Этот странный человек никому не давал покоя – ни на улице, ни в трамвае, ни в автобусе. Задавал какие-то дурацкие вопросы, кого-то узнавал.

– Боже мой, сколько лет, сколько зим! Сколько же мы не виделись?

Человек, к которому он привязался, мучительно пытается вспомнить, где он мог видеть этого типа. Но Петюнчик ему сам напоминает:

– Ну как же! Помнишь, мы с тобой на Белорусском фронте...

Все смотрят на них и ничего не понимают: они и по возрасту-то ни на каком фронте не могли быть. А Петюнчик с такими подробностями вспоминает их окопную жизнь, что тот и в самом деле начинает верить про Белорусский фронт и что он воевал. И тут люди начинают смотреть на них с уважением: как же, друзья-однополчане встретились после стольких-то лет! А те уже и обнимаются, и целуются, и все прочее. Вот такой вот Петюнчик.

Как-то звонит:

– Лев, в Лужниках сегодня легкоатлетические соревнования дружественных армий. Нужно обязательно пойти. Будет очень интересно.

И мы пошли. Заняли на трибуне места и тут объявляют, что в забеге будет участвовать чемпион мира Владимир Куц. И Петюнчик спрашивает громко, чтобы все слышали:

– Лев, Куцый – это какой?

Я говорю:

– Не Куцый, а Куц. Вон на третьей дорожке стоит.

– Послушай, как же он может бежать? – удивляется Петюнчик, опять же громко, чтобы все слышали. – Он какой-то кривоногий. Да разве он бегун?

Все вокруг похихикали. И тут выстрел стартового пистолета, а Петюнчик продолжает комментировать:

– Смотри, ведь он уже задыхается. Какой же это чемпион мира? Да он уже и бежать не может – все время спотыкается и спотыкается!

Зрители начинают роптать:

– Успокойтесь, ради Бога! Если ничего не понимаете в легкой атлетике, нечего было приходить на стадион. Что вы лезете с ваши-

ми идиотскими комментариями? Сидите и молчите!

А Петюнчик не унимается и продолжает:

– Да нет, вы посмотрите: у него и форма какая-то не такая, и трусы, по-моему, только вчера сшили. Нет, нет, не годится! Вот смотрите, смотрите – задыхается! Совсем отстаёт, отстаёт!..

Тут уж вся трибуна начинает раздражаться, а он все комментирует, комментирует и уже слов не находит, как бы еще унижить этого самого «Куцего»: и какой он кривоногий, никуда не годящийся, и фамилия у него подходящая – Куцый.

Чувствую, публика начинает нас ненавидеть. А бегуны проходят еще несколько кругов, и вот Куц отрывается ото всех.

– Ага, отрывается! – кричит Петюня. – Он еще метров сорок пробежит и умрет! Ага, вот смотри – уже все: спотыкается, спотыкается!..

И уже вся трибуна:

– Да заткнись ты!!!

Я говорю:

– Сейчас нас будут бить.

– Ну пускай бьют! – кричит Петюня. – Если они ничего не понимают в легкой атлети-

ке, чего они сюда приперлись? Ну вот, смотри, смотри!

Тут Куц рвет ленточку и объявляют новый мировой рекорд. А Петюня возмущается:

– Да это же все по благу! Это же все подстроено! Все бежали гораздо лучше, но специально стали отставать!

Я чувствую, что живыми мы отсюда не выйдем. А в это время Куц совершает круг почета, бежит мимо нашей трибуны и Петюнчик кричит:

– Володя! Володя!

Куц поворачивает голову.

– Петя!

Перепрыгивает через турникет и через всех зрителей лезет к нам. Трибуна замерла. Куц расцеловался с Петей, поздоровался со мной, сел рядом и спрашивает:

– Ну, как я бежал?

– Замечательно! И такой колоссальный отрыв! На такой дистанции!

А он:

– Да ну, Господи! Есть еще силы.

И тут вся трибуна начала от нас отползать, отползать...

– Петь, – спрашивает Куц, – а у тебя как дела?

- Да вот работаю.
- Не думаешь вернуться в спорт?
- Да какой там спорт. Годы не те.
- Ну, ладно. Пока. А то там тренер, наверное, уже психует: где я!

Они обнялись, расцеловались. Куц спустился на дорожку и побежал. И Петюнчик опять, чтобы все слышали:

– Ну что, все? С Вовкой повидались, поехали домой. Давай возьмем бутылочку и выпьем за его здоровье.

Сквозь гробовую тишину мы прошли с Петюнчиком всю трибуну и поехали домой.

«Коля! Мяу!»

Когда-то в Большом театре был такой балерун – Коля Харитонов. Он любил выпить, и из-за этого его не взяли на гастроли в Америку. Поехала одна жена – тоже балерина. Перед этим она очень ругала его, когда подсчитала, сколько долларов они на этом потеряют.

Она уехала, а Коля с собутыльниками запил. Вдруг кто-то из друзей показал ему газету: Большой возвращается с триумфом. Коля в панике начал убирать квартиру: выносить бутылки, окурки, консервные банки и прочий мусор. А когда стал мыть полы, разделся догола.

А у него был сиамский кот, о котором он совершенно забыл в длительном запое и который питался все это время, вылизывая консервные банки и подбирая остатки закуски. Он сидел мрачный на шкафу и смотрел, как голый Коля ползает с тряпкой на четвереньках. Что-то коту не понравилось, – он спрыгнул и вцепился балеруну в одно место. Коля взвыл, отпрянул и вцепился башкой в батарею.

Истекая кровью, позвонил в «Скорую» и прошептал:

– Дом Большого театра... Квартира Харитоновых... Умираю...

Приехали врачи и увидели худое двухметровое тело на полу в грязи и крови.

Когда санитары несли его по лестнице на носилках, Коля открыл глаза, и пожилая докторша спросила:

– Что с вами?

Он сказал правду:

– Кот в яйца вцепился.

Санитары заржали и выронили носилки – Коля сломал ключицу. Все-таки довели его до Склифосовского.

На следующий день приезжает жена и видит, в каком состоянии квартира: «Так и зна-

ла – пьянка, бабы...» И в заведенном состоянии влетает в больничную палату. Коля, весь забинтованный-загипсованный, протянул к ней ручки, а она с размаху ахнула сумкой ему по башке, забыв, что в сумке лежала стеклянная бутылка с пепси-колой. Проломила мужу височную кость, и ему делали трепанацию черепа.

Все-таки он выздоровел, но в театр не вернулся. Его затравили. Как кто из знакомых встречался, так сразу кричал ему:

– Коля, мяу! – и тот шарахался в сторону.

В общем, он пропал как артист.

«Янки! Гоу хоум!»

Миша Вострышев, мой знакомый литератор, чистая душа, всегда был очень восприимчив к человеческим страданиям. И когда американцы стали бомбить Югославию, он вместе с другими москвичами направился к американскому посольству, чтобы в знак протеста забросать его гнилыми фруктами и тухлыми яйцами. Но поскольку гнилых фруктов и тухлых яиц в продаже не было, а все свежее стоило дорого, он долго боролся с искушением: а не лучше ли выпить на последние деньги пива. Но чувство солидарности с братьями-славянами взяло верх, и он разорился на десяток мелких яиц. У посольства он остано-

вился, чтобы оглядеться и покурить. А пакет с яйцами положил на бетонную тумбу. Подошел мужик и стал алчно коситься на этот пакет и дергать кадыком.

– Братьев славян уважаешь? – наконец спросил он.

– Уважаю.

– А я, между прочим, тоже славянин.

– И что? – не понял Миша.

– А то, что я второй день только овсянку жру, да и та кончается.

Миша понял намек мужика и все же спросил:

– И что ты предлагаешь?

– Давай устроим бартер.

Тут Миша вообще ничего не понял.

– Как это? – спросил он.

– А так. Я вижу, ты простуженный. Так вот, ты даешь мне яйца, а я за тебя орать буду. А когда я голодный и злой, голос у меня – не приведи господь!

– Ори, – согласился Миша.

– Да-а-алой! – заорал мужик так, что Миша понял – он не прогадал. – Па-а-азоррр! Гоу хо-о-ом!

БЕСПЛОДНЫЙ ЭРУДИТ

Однажды случилось так, что мне пришлось заночевать в одной деревеньке под Рузой. Уезжая, режиссер попросил председателя колхоза устроить меня в какой-нибудь «чистой» избе, – чтоб, стало быть, без клопов и тараканов.

– Есть такая! – сказал председатель. – Я вас отведу к профессору. Кстати, ему приятно будет поговорить с настоящим москвичом. А то он говорит, что мы, серые, его не понимаем. Он у нас эрудит.

Мне показалось неудобным стеснять кого-то профессора.

– Да какой он профессор! – засмеялся председатель. – Это его наши деревенские

так прозвали. А на самом-то деле он бывший секретарь сельсовета.

Через полчаса я уже был в чистенькой небольшой избе с горницей и спальenkой. Хозяин, похожий на киношного деда Щукаря, очень даже обрадовался, когда узнал, что у него будет ночевать настоящий московский артист.

– Вот подарочек-то! Вот как хорошо! А то ведь в этой Амазонии и поговорить-то не с кем.

– Я вас не стесню? Как вы себя чувствуете? – спросил я, потому что хозяин слегка поморщился и почесал поясницу вилкой.

– Я себя чувствую, но плохо, – и он показал мне в улыбке оставшиеся зубы. – В метафоре я представляю собой мешок с болезнями. Я не старый на вид, но трухлявый на здоровье. Был бы я полноценным мужчиной, как было бы хорошо и мне и окружающим. А так я ушел в свои болезни целиком, даже перестал платить страховку.

– Вы один живете?

– Как перст. Кому я нужен? У нас ведь всегда не востребованность в умах. Хотите, изложу вам свое реноме по этому поводу? Так вот, лет десять назад, а может, двадцать, у ме-

ня перестал работать сексуальный аппарат, и с тех пор он у меня в летаргическом состоянии. Да что ж это я! – спохватился вдруг хозяин. – Я ведь чай собирался пить. Вот вкупе и попьем.

Он засунул вилку за пояс, быстро накрыл стол, и мы стали чаевничать. А он все говорил, говорил и говорил, не переставая:

– Я думал, что страдаю половой слабостью по месту жительства. Ан нет! На периферии у меня тоже ни с кем не получалось анатомической близости. А до того мне врачи дали диагноз, что я не могу иметь детей. Мой знакомый кожевенный врач сказал, что это потому, что я носил безразмерные трусы. Жене мое бесплодие не понравилось, потому как ей уже начали сниться дети. Я хотел достать искусственные зародыши хорошего качества и проросшие. Да разве найдешь их в наших аптеках! И со стороны жены на меня начались разные гонения. Она стала оскорблять меня алкогольными прилагательными полового значения. А ведь раньше и слов-то нецензурных не знала. Это, говорила, оттого, что ее мучают адские боли в области человека и личности. А я думаю, что это от отсутствия у нее правильного полового воспитания.

Я посоветовал ей ставить прививки от полового сношения или обратиться к врачу по головному мозгу. Тогда она брякнулась, и ее стало бить. А когда пробило, она встала и заявила, что если я не перестану чесаться и храпеть, то она уйдет из родного очага. Ей нужно было найти причину, а следствие она уже придумала. У меня действительно привычка чесаться, причем не рукой, а вилкой. Но я ж никому не мешаю! А чтоб не храпеть, я обращался к врачу нос-глаза, пробовал спать в противогазе – ничего не помогло. И она ушла. Этот ее поступок осветил красной нитью весь лейтмотив ее жизни. Хочу вот найти какую-нибудь старушку, попутчицу по жизни, но никто не реагирует на мой зов, который я периодически испускаю во все концы. Долготерпение отчаяния – вот оригинальный портрет мой жизни! Хорошо еще, что я не дал нервному потрясению полную свободу действий. А бывшая моя похудела, осунулась и вся ушла в плечи. Совсем потеряла свои очертания. А ведь когда-то Лаперузой ходила и была не только носителем красоты и кокетства. Правда, я ей мою любовь никогда наружно не показывал... Да разве мало было в жизни элементов сожаления!

И не надо теперь доказывать ху есть ху. Поздно! Конечно, дети – это клеветы в оранжеее нашего общества, которое должно их любить и ухаживать. Но что поделаешь, если мы всегда испытываем неуверенность в отсутствии ясности! Это беда всего русского характера...

Я почувствовал, что медленно сдвигаюсь по фазе. Перед глазами поплыли проросшие зародыши с головами деда Щукаря, старушки, потерявшие свои очертания, кожевенные врачи с гвоздодерами в руках, и я чуть не упал с табуретки. «Еще слово, – подумал, – и я его стукну чем-то тяжелым», но хозяин вдруг замолчал. Наверное, я сменился в лице, потому что он нагнулся ко мне и шепотом спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Я себя чувствую, но плохо, – сказал я, подхватил свою сумку и бросился вон.

Ночевал я в прошлогоднем стогу. Профессора больше не видел.

ЧЕРВОНЕЦ

Из больничной палаты выписывался интеллигент – мой сосед по койке. И очень уж он страдал от того, что не может достойно отблагодарить профессора, который поставил его на ноги.

– Боже, – нудил он, – как это некрасиво! Ведь что-то я должен ему подарить...

Мне надоело его нытье, и я предложил:

– Ну дайте ему незаметно хотя бы червонец. Он сам купит себе, что ему надо.

А десять рублей в ту пору были хорошие деньги.

– Но это некрасиво, – поморщился интеллигент. – А впрочем...

И когда профессор пришел проститься с ним, он, краснея и смущаясь, отвел его к распахнутому настежь окну и, держа руку в кармане, стал ему что-то сбивчиво говорить. Чтобы не смущать их, мы, трое оставшихся, как по команде отвернулись от окна. И тут раздался возмущенный голос профессора:

– Как вы посмели?!

Кто-то пробежал по палате и хлопнул дверью. Мы обернулись: профессор один стоял у окна, засунув руки в карманы халата, и тяжело дышал. Потом его седые брови поползли вверх, он вытащил из кармана червонец, тупо на него посмотрел и пробормотал:

– Все-таки сунул, стервец! – и, перегнувшись через подоконник, крикнул: – Чернов! Это свинство! – скомкал червонец, бросил его со второго этажа к подъезду и выскочил из палаты.

Не успели мы обсудить его благородный поступок, как вошла медсестра.

– Что у вас тут произошло? – спросила она ледяным тоном.

– Ничего.

– Как это ничего? Профессор вне себя. Он, как всегда, надел мой халат, а там лежала де-

ЧЕРВОНЕЦ

сятка, которой не оказалось. Я спросила, не мог ли он ее выронить. «Нет, – сказал он, – я ее выбросил в окно». Так что случилось?

Мы натянули на свои головы простыни и тихо заскулили.

ЗАГРАНИЧНАЯ МУКА

Киру Константиновну Станиславскую мой друг Леня Коробов встретил у опекушинского памятника Пушкину.

– Ах, Ленчик, – сказала она, – как же о нас дурно думают в Европе! Ну бедные мы, несчастные, но не до такой же степени!

Оказалось, что в Париже умерла ее тетка и кузина прислала посылку с мукой. Просила помянуть усопшую и добавила: «Очень покойница любила московские пироги с вязигой. Помяните ее этими пирогами».

– Но ведь муки у нас и в самом деле нет, – возразил Леня. Это было еще до отмены карточной системы – вскоре после войны.

– Попрошу я у девчат в Филипповской булочной. Ведь не откажут они мне ради такого случая. Смешаю с французской... А их мука мне не понравилась: какая-то серая и, по-моему, немного сладит. А ты непременно приходи. Я тебе позвоню.

Она позвонила, и Леня пришел. Все было чинно и благородно. Правда, специфический вкус зарубежной муки в пирогах не всем понравился. В ту пору наши люди употребляли только отечественный продукт и к иностранному не привыкли.

А через неделю Кира Константиновна снова позвонила Лене и попросила о встрече. Они встретились там же, на Пушкинской площади.

– Что случилось? – спросил Леня, увидев, как у Киры Константиновны дрожат губы.

Она протянула ему листок.

– Прочитай сам... Я не могу об этом говорить. Это от кузины. Из Парижа.

Кузина писала, что матушка ее скончалась в канун оккупации Франции германо-итальянскими войсками. Тогда же ее кремировали. Перед смертью она попросила, чтобы прах ее захоронили в русской земле. Но об этом не могло быть и речи целых пять лет. И урна

с прахом хранилась в семье кузины. После окончания войны появилась возможность высылать в Россию посылки с вещами и продуктами. Пересылка же праха стоила больших денег. И тогда кузина пошла на хитрость.

Хитрость удалась, только вот письмо в пути задержалось...

КОММУНАЛЬНЫЕ УДОБСТВА

Старые люди любят вспоминать свое замечательное житье в коммуналках. Это неправда, я сам это испытал. С женой и только родившейся дочерью мы жили на шести метрах за занавеской. Когда к нам собирались гости, они говорили: «Пойдем к Дурову в танк».

Мы сидели за полночь, обсуждали вселенские вопросы, создавали новые театры, а потом на этих шести метрах у меня оставались ночевать до десяти человек. Я своими руками сделал поменьше кроватку для ребенка, чтобы оставалось больше свободного места. На полу мы расстилали матрас и укладывались. Удивительно, но в такой тесноте мы еще уму-

дрились держать пианино. А все углы у мебели и у пианино мы обшили поролоном, потому что дочь Катька все время ударялась о них башкой.

Однажды мы с гостями уже засыпали, и один из моих друзей, футболист Лапшин, вдруг говорит:

– Лева, я вот лежу и все думаю: чем обивать всю мебель поролоном, может, лучше Катьке из этого поролона колпак сшить?

Мы ржали до утра...

СЮРПРИЗ НА НОВОСЕЛЬЕ

А вот как быть с теми «подарками», которые делают новоселам так называемые профессиональные строители? Расскажу лишь о нескольких случаях.

Один из моих приятелей, которого звали Ерик Маленький (потому что был еще Ерик Большой), получил однокомнатную квартиру в новом доме и пригласил друзей на новоселье. Мы к нему пришли, и тут выяснилось, что балконы после окончания строительства оказались в аварийном состоянии, поэтому их просто отрезали автогеном, а балконные двери завинтили огромными шурупами, пре-

дупредив жильцов, что балконов нет, а двери являются продолжением стены и трогать их нельзя.

А надо сказать, что стояла жуткая жара – июль в разгаре. Мы все были молодые, горячие – что нам! Мы развинтили эту дверь и открыли – все же знали, что балкона нет и выходить нельзя.

И в самый разгар торжеств раздался звонок в квартиру. Хозяин пошел открывать, и мы слышали радостные возгласы:

– Щегула! Щегула пришел!

Это был переводчик с семи языков. Очень высокий красивый парень, в роскошном по тем временам блестящем капроновом костюме.

– Что же вы, сволочи, не предупредили? Зажилить праздник хотели?

Все с ним пообнимались, перецеловались, он поздравил хозяина с новосельем и буквально через несколько секунд подошел к открытой настежь балконной двери.

– Ну-ну! И какой же вид мы здесь имеем?

И никто не успел рта открыть, как гость сделал с балкона шаг и внизу раздался неприятный шмякающий звук. Все замерли. Хозяин сразу сказал:

– Нет, я вниз не пойду...

И каждый счел своим долгом тоже сказать:

– И я не пойду... И я....

Я понял, что миссия с упавшим телом предназначена для меня. Подошел обреченно к двери, и в это время раздался звонок. Я открыл дверь – передо мной стоял Щегула, морщась и потирая коленку.

– Ну, вы что, сволочи!.. Не могли предупредить? У меня ведь новый костюм – японский! Вот смотри: пробил штанину и ушиб локоть.

Все это происходило на третьем этаже. И когда мы посмотрели, откуда и куда Щегула упал, нашему удивлению не было конца: он упал на груды битого кирпича со строительным мусором. И хоть бы хны! Только ушиб локоть и пробил штанину. Мы тут же забыли о новоселье и стали пить за здоровье нашего героя – Щегулы.

Вот вам и новоселье...

Еще одна история, связанная с новостройкой, о которой в свое время знала вся Москва.

Другой мой приятель получил новую квартиру. Пригласил гостей на новоселье, и один

гость оперся о стену. А стена стала падать на улицу. Гость успел вовремя отскочить, а мы увидели, что в стене нет целого блока. При строительстве, когда устанавливали эти бетонные плиты, блок только прихватили сваркой, но забыли потом как следует приварить. Если кто не верит в эту историю, может убедиться в ее правдивости сам. Это в Марьиной Роще. Там стоит дом, у которого на торцевой стене видны остатки восьми (!) балконов. Когда-то там действительно были нормальные балконы – на глухой торцевой стене!!!

Фотографии этого чудо-строительства были опубликованы не только в «Крокодиле», но и на страницах ведомственных журналов под рубрикой «Что бы это значило?». Иностранцы не верили фотографиям и приезжали своими глазами посмотреть на такое чудо. В самом деле, убеждались они, – на глухой торцевой стене восемь балконов. Естественно, без выхода на них. А откуда выходить-то?

И тогда иностранцы окончательно уверовали в существование странной и загадочной русской души.

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Не знаю, как сейчас, а в стародавние времена существовала традиция: на Новый год в Колонном зале Москвы ставили для детей елку. А Деда Мороза изображал Владимир Ильич. Да-да-да, сам Владимир Ильич!

Он гулял по лесу, вокруг него собирались зверюшки – они танцевали, прыгали, короче, веселились сами и веселили Владимира Ильича. Конечно, были там и темные силы, но дедушка Ильич с помощью этих зверюшек побеждал их. А потом под крики детей: «Елочка, зажгись!» – Владимир Ильич зажигал эту елку, и все танцевали вокруг нее.

Завершался этот спектакль тем, что заранее подготовленные дети выходили на сцену и читали стихи о Ленине. Они известны, их не так уж и много: «С кудрявой головой, он тоже бегал в валенках по горке ледяной».

И вот однажды из первого ряда стал раздаваться истошный крик:

– Я хочу! Я хочу!

Кричал маленький мальчик и рвал себе пальчики, как хазановский студент кулинарного техникума. Ведущему ничего не оставалось, как пригласить его на сцену:

– Ну конечно, конечно! Иди сюда, мальчик. Хочешь прочитать стихи о Ленине?

– Да, я хочу о Ленине!

– Хорошо, ты знаешь стихи о Ленине?

– Да, я знаю о Ленине!

– Ну иди к микрофону.

Мальчик поднялся на сцену, подошел к микрофону и начал: «По улице шел зеленый крокодильчик... И вдруг обосрался...»

У меня было такое ощущение, будто в зале рухнули все хрустальные люстры. Наступила гробовая тишина. Тут кто-то из ведущих попытался выйти из положения: схватил какого-то зайчика или медвежонка, сунул его мальчику в руки и стал выпроваживать со сцены:

– Ну ты иди, иди. Спасибо тебе! Все хорошо, все хорошо. Елка продолжается!

Мальчик спустился со сцены, нашел свое место и сел. И вот тут мы увидели страшную картину. Он сел рядом с большим-большим дядей. А дядя отрекся от ребенка. Он сделал вид, что это чудовище, которое только что сошло со сцены, не его сын, не его внук и вообще никакого отношения к нему не имеет. Но самое страшное, что сам мальчик каким-то подсознанием понял, что он совершил нечто ужасное, и вел себя так, будто этот громадный дядя не его папа, не его дедушка и он к нему тоже никакого отношения не имеет.

Возникла маленькая пауза, были притушены огни. Потом ярко вспыхнул свет, и все увидели, что в первом ряду два пустых кресла: дядя с мальчиком в темноте умудрились смыться. И правильно сделали – еще неизвестно, чем бы для них закончилось это новогоднее представление. И для дяди, и для маленького мальчика, которому так хотелось прочитать стихи о Ленине.

«ДЕДУ МОРОЗУ Я НЕ ДАМ...»

Еще был случай во время новогодней детской елки, когда Снегурочку играла Валечка Туманова. Это была такая странная елка. Как бы анти-елка. И была анти-снегурочка. Она как будто бы была очень плохой девочкой. По сюжету она это делала для того, чтобы проникнуть в стан злых сил, и выведать у них все тайны – чтобы в конце концов празднование Нового года состоялось. И была у нее такая реплика: «А Дедушке Морозу я не дам слово учиться на одни пятерки!».

«Деду Морозу я не дам...»

Однажды Валечка сказала:

– А дедушке Морозу я не дам... – и замолчала.

Воцарилась пауза. И вдруг в зале какой-то мужчина произнес:

– Во дают!

Началась дикая истерика, уж как закончили эту елку, я не помню.

ГАСТРОЛЁРЫ

Имя кинодраматурга Николая Михайловича Дьяконова стало широко известно после того, как на экраны страны вышел фильм «Свадьба с приданым», снятый по мотивам его пьесы. А мотивы эти были порой очень даже забавные.

Так, например, у Татьяны Пельтцер была проходная, эпизодическая роль. Ее героиня появлялась по ходу действия всего раза два-три, чтобы разрядить обстановку своими экстравагантными поступками и просто-душно-острыми репликами. Татьяне Ивановне так понравились потенциальные возможности ее героини, что она упросила Николая

Михайловича дать ей возможность побольше «поиграть». Дьяконов добавил ей несколько реплик.

– Вот видите, – сказала она, – совсем другое дело! Вот еще бы...

И автор еще добавлял – то реплику, то мини-монолог и в конце концов эпизодическая роль Пельгцер стала если не главной, то существенной: Дьяконову пришлось даже менять некоторые эпизоды и сюжетные ходы в уже готовом, казалось бы, сценарии. Ну а результат известен: роль артистки придала всему фильму яркий, динамичный характер, которого так не хватало пьесе.

Но Дьяконов был не только драматургом. В республиканском театре он ставил свои пьесы как режиссер и сам же играл в них.

Звание народного артиста Коми АССР он получил в тридцать с небольшим лет. А до этого...

До этого молодой артист объехал с гастролями всю свою республику вдоль и поперек. Играл в городах и шахтерских поселках, в сельских клубах и на оленеводческих стойбищах – везде, где только были люди, а сценической площадкой мог служить и ягель – олений мох.

Случай, о котором как-то рассказал Николай Михайлович, произошел в заполярной Воркуте. Известно, какое в Заполярье лето – с воробьиный нос. Правда, погода в это время неприхотливых северян и ласкает, и балует.

И вот городские власти решили сделать горожанам небольшой подарок: построили в чахлоЙ рощице, которую громко называли парком, небольшой летний театр, а проще говоря, фанерную «ракушку» – примитивную крытую сценическую площадку, на которой могли бы показать свое искусство заезжие драматические актеры, певцы, фокусники и прочие гастролеры. А чтобы еще иметь прибыль от этой «культурно-массовой точки», ее огородили крашеным фанерным же забором, чтобы зрители, как все приличные люди, могли платить за вход, и установили несколько рядов лавок. В ту пору шахтеры были людьми денежными, и с них без стеснения драли за вход, как нынче за билеты в Большой театр. Наверное, все-таки это было сделано для того, чтобы зрители прочувствовали истинную цену высокого искусства, а не грызли бездумно семечки во время спектаклей.

А поскольку эта «точка» была рассчитана на короткое лето, ее и строили по методу

«тяп-ляп», как говорят портные, «на живую нитку», чтобы не упустить драгоценные дни. Поэтому этот очаг культуры уже через месяц принял вид старейшего памятника архитектуры: электропроводка на сцене провисла, некоторые лавки были порушены, а на заборе красовались фанерные заплаты, на которых краски уже не было.

Когда Дьяконов со своим товарищем Сашей приехал в Воркуту, там вся милиция стояла на ушах: накануне в самом центре города некие умельцы «взяли» ночью кассу управления шахты «Центральная». Как они умудрились это сделать, было на тот момент не ясно. Со слов охранника выяснилось лишь, что в соседнем с кассой помещении вдруг в полночь в проводке произошло короткое замыкание. Раздался треск, полетели снопы искр, в кассе погас свет. Охранник на какое-то время растерялся, потом стал звонить пожарным, но телефон глухо молчал. Этажом выше тоже стоял телефон, и страж побежал туда. Наконец дозвонился. А когда возвратился на свой этаж, то успел заметить, как в конце коридора мелькнула мужская фигура и сразу же скрылась за дверью. Охраннику лишь запомнилось, что неизвестный был среднего рос-

та, крепыш, а волосы у него свисали до плеч. Дверь в кассу была открыта настежь, дверца сейфа – тоже.

Работали мастера своего дела, которых в Воркуте всегда хватало: кругом лагеря, а где лагеря, там и беглые, и «отмотавшие» срок, и всякий прочий люд, падкий до поживы.

Короче, все горожане были под впечатлением этого дерзкого ограбления, знали все его подробности (опять же со слов охранника) – к ним и сводились все разговоры. Дьяконов это понял сразу, как только увидел лица своих зрителей.

– Надо сразу встряхнуть их, – посоветовал он своему приятелю. – Сразу играем на форсаже. Не бойся переиграть, Сашок, они так взвинчены, что будет в самую пору.

А играли они известный отрывок из «Леса» Островского, где встречаются два старых приятеля-актера Счастливец и Несчастливцев: «Откуда ты?» – «Из Вологды в Керчь. А ты?» – «А я из Керчи в Вологду».

Дьяконов играл Несчастливцева. В небольшом закутке, который служил гримуборной, они подгримировались. Дьяконов, как и положено провинциальному трагику, надел парик с длинными немытыми космами, Саша

взял на плечо свой посох, на который навесил узелок со скудным театральным реквизитом, и они вздохнули.

– Ну с богом, – и Несчастливцев первым вышел на сцену. Зрители замерли. Наступила какая-то странная напряженная тишина. «Затишье перед бурей», – не к месту подумал Дьяконов и сел на приготовленный заранее пенек. Он долго шарил по карманам в поисках табака, но так ничего и не нашел. И тут появился Счастливцев. Он почему-то все время оглядывался, а за его спиной болтался во все стороны на посохе тощий узелок.

Подали первые реплики. А зрители, кажется, их совсем не слушали – они о чем-то перешептывались между собой и показывали испуганными глазами на Несчастливцева. И когда непонятное напряжение в зале достигло предела, Счастливцев, удивленный очередной репликой партнера, резко повернулся, его посох задел за свисающие провода, раздался треск, посыпались снопы ярких искр – и свет погас.

Зрители в ужасе вскочили с мест и бросились к выходу, началась давка. И тогда наиболее догадливые проломил фанерные листы забора, и люди ринулись в рощу. Выручили

белые ночи, иначе никак бы не миновать членовредительств.

Сбежалась милиция, раздались тревожные трели, какой-то страж порядка в растерянности бабахнул из своего табельного орудия в воздух. Завизжали женщины, и паника стала разрастаться, как снежный ком.

Счастливец с Несчастливцевым, спасаясь от искр, спрыгнули со сцены и не знали, что делать. Тут их и приметили, одиноких и растерянных.

– А-а, сволочь, попался!

Бдительный страж порядка одной рукой схватил Несчастливцева под локоть, а другой – за волосы. И вдруг эти волосы остались в его пятерне – парик! А тут еще у обоих артистов потек грим.

– А-а, падлюки, замаскировались!

– Мы артисты! – завопил Дьяконов.

– Это и так видно! Гастролеры! – обрадовался старшина и изо всех сил дунул в свой свисток.

Сбежались его коллеги. Артистов скрутили, и Дьяконову досталось больше, чем его напарнику. Во-первых, потому что он был в парике, похожем на парик грабителя, а во-вторых, истошно вопил:

– Я – Несчастливцев!

– А твой друг, думаешь, счастливцев? – ядовито спросили его.

– Да, Счастливцев!

И за эту «шутку» ему добавили еще пару горячих. Милиционеры, видно, Островского не читали и спектакль не смотрели. А в милиции уже рапортовали высшему начальству:

– Все очень просто, товарищ генерал! Взяли тепленькими! Все улики налицо! Замаскировались, сволочи, да нас не проведешь!

Не знаю, что им за это пообещал генерал, но через короткое время из столицы республики Сыктывкара раздался звонок и грозный голос сказал:

– Вы что там – совсем офонарели? Хотите, чтобы я вас всех разогнал? Чем вы занимаетесь, мать!..

Разобрались.

Но ведь ребятам надо было играть Островского дальше. А у Несчастливцева морда такая, что никакой грим не поможет. И тогда они придумали за Островского еще несколько реплик:

– Послушай, брат! – восклицал Счастливцев. – Кто тебя так разукрасил?

– Кто меня может разукрасить?! – гневно спрашивал Несчастливцев. – Ты же меня знаешь – я сам кого хочешь разукрашу! А это... Я был на Волге, брат, и очень мне захотелось подняться на утес Стеньки Разина... Помнишь, «Есть на Волге утес...» Упал я с него, брат, и расшибся. Крепко расшибся. Что ж, шрамы украшают трагика.

А дальше все шло по тексту.

ВОЛЖСКАЯ ВОДИЦА

Расскажу еще один забавный случай. Я видел это в Театре Советской Армии. Не помню, как точно назывался спектакль, но, по-моему, «Корабли штурмуют бастионы», про адмирала Ушакова. Случилось все во время общественного просмотра. Спектакль начался. Показывается город, где все умирают от холеры. Должен приехать Ушаков, а с ним и Пирогов, чтобы вылечить людей. И вот, одному артисту нужно было бежать с депешей. Но пока он бежал, почему-то решил как-то лихо прыгнуть. И не рассчитал (там же сцена огромная, двухэтажная) – прыгнул на ступеньку, а она вылетела. Актер кувырком докатился до рам-

пы, ударился в нее – раздался звон стекла – и напоследок еще все эти стекла собой передал; сабля его отлетела в одну сторону, депеша – в другую, треуголка – в третью. В довершение всего он встал на колени, распростер руки и сказал всему залу:

– Твою мать!

А потом принялся подбирать то, что уронил при падении. И вот он подбирает саблю, кладет ее под мышку, наклоняется за треуголкой, надевает ее на голову, наклоняется за депешей – и у него сабля падает! Он берет депешу под мышку – падает треуголка! Получился огромный цирковой номер. Вой в зале стоял чудовищный! В конце концов, артист все бросил и, пробормотав: «Да пошли вы все!», ушел со сцены. Занавес, конечно, тут же закрыли. А когда открыли, за кулисами раздался жалобный воющий голос актера Ситко (играющего губернатора, которому должны были вручить эту депешу):

– Я не могу-у-у выйти на сцену! Я не могу-у-у!

Потому что на сцене в это время лежали два «труп» и тряслись от смеха! Естественно, никуда уползти они не могли. Вышел Ситко – у него слезы по лицу – и обратился к залу:

– Товарищи, подождите немножко, сейчас мы отсмеемся.

Все хором поржали немножечко, и, наконец, из зала раздался жалобный голос Попова, главного режиссера и постановщика спектакля:

– Ну, что, теперь можно?

Ситко сказал:

– Можно.

И спектакль продолжился...

Кстати, в том же театре была еще одна история. Шел спектакль про Сталинград. Играл там Макаров, знаменитый артист, красавец, он и в кино много снимался. И в финале этого спектакля Макаров лежал и, умирая, говорил:

– Перед смертью хочу испытать волжской воды.

На сцене – огромная массовка. Кто-то убегал и возвращался с каской, полной воды. Макаров пил, произносил слова:

– Ну вот, теперь можно и умирать.

И умирал. Так вот, однажды, когда, очевидно, в зале никто из официальных лиц не присутствовал (к тому же это был уже финал спектакля, и ничто бы не повлияло на его продолжение), актеры решили Макарова ра-

зыграть. Они приносят ему каску. Он берет, и когда подносит ее к лицу, то вдруг на долю секунды замирает, а потом так, не отрываясь, не отрываясь, выпивает все до конца. Затем протягивает каску и, сделав паузу, говорит:

– Еще!

На сцене начинается дикое ржание! Все актеры просто поползли! И я понял, в чем дело: они за кулисами влили в каску бутылку водки. А он с этой каской в руке посидел-посидел и сказал:

– Нет, не дожидаться. Видно, придется умереть...

Уронил каску и упал в очень красивую позу – уже умершим командиром.

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

На «Мосфильме» работал в мое время пиротехник Гена. Замечательный, настоящий пиротехник: на одной руке у него не было трех пальцев, на другой двух. Как известно, пиротехник – это не только дым, туманы, не только разоженные костры, но и взрывы бомб, снарядов, подрыв танков и пр., и пр., и пр.

Кстати, эффектные взрывы на воде делаются очень просто. Берется обычный заряд, покупается обычный презерватив, который рекламировать не надо, заряд закладывается в презерватив и погружается в воду. От него тянутся проводки к пиротехнику, который сидит на бережку. Он замы-

кает электрическую цепь, и происходит взрыв. Очень красиво и эффектно поднимается столб воды.

Так вот Гена был одним из самых интересных пиротехников на «Мосфильме». С ним обычно происходили какие-то невероятные истории.

Как-то мы с ним работали на Украине в одной картине. Была отличная погода, и мы сидели в Киеве на Андреевском спуске и наслаждались природой, болтали о чем-то. И вдруг метрах в двухстах от нас раздался оглушительный взрыв. Нас с Геной отбросило куда-то в сторону и прижало спинами к какой-то стене. Как потом оказалось, сработал запал и подорвал всю нашу взрывчатку на складе. Но, слава Богу, никто не пострадал. Но в окнах ближних домов выбило все стекла. И нас предупредили:

– Ребята, если вы до семи вечера, когда вернутся с работы мужики, не вставите стекла, будет беда.

И тогда вся труппа взялась вставлять выбитые стекла в домах на Андреевском спуске. Обошлось более-менее без скандала. Но тем не менее отличился все-таки Гена: что-то у него сдетонировало.

Но самая интересная история, на которой он очень сильно прославился, случилась в Ростове. Там не была еще подготовлена комната для хранения оружия и прочих боеприпасов, и Гена взял это все к себе в номер гостиницы, в которой жил.

Съемки еще не начались, и Гена жил довольно празднично и вольно. Человек он был совершенно не агрессивный, интеллигентный и доброжелательный. Но – с определенной человеческой слабостью. И вот когда он, придерживаясь за стены, возвращался к себе в номер, дежурная сказала:

– Вот артист! Ходят тут...

А Гена обычно молча проходил к себе, ни с кем не разговаривал и засыпал. И вот когда она бросила в его адрес такую реплику, он зашел в свой номер и вскоре вышел оттуда: в одной руке он тащил за собой пулемет «Максим», а в другой – коробку с патронами. И лента уже была заправлена в пулемет. Он развернул ствол в сторону дежурной и сказал:

– А теперь получай, старая б... – и дал очередь.

А надо сказать, что, когда стреляют холостыми патронами, это страшнее, чем боевы-

ми, потому что вылетает огромное пламя. Дежурная ойкнула и завалилась за стойку.

Изо всех дверей высыпали люди. Гена крикнул:

– Ложись! – и дал еще очередь.

Тут появилась милиция, и Гена им тоже крикнул:

– Менты, ложись! – дал еще очередь, и они тоже легли. Гена короткими очередями положил всех на пол. В конце концов патроны у него должны были кончиться, и они кончились. Он встал на колени, и из-за щитка на всех посмотрели его жалобные глаза, а сам он пытался встать с поднятыми руками. Его скрутили, немного побили и увезли в милицию.

Режиссер попросил меня выручить Гену. Я пошел в милицию и стал объяснять, какой этот Гена хороший человек, какой высокопрофессиональный специалист, но вот в его адрес была брошена оскорбительная реплика, и он не мог сдержаться и ответил вот так.

– Ребята, – сказал я, – ведь вы тоже своих друзей любите и уважаете, и, если бы ваш товарищ так же защищал свою честь, вы, наверное, простили бы его.

Ребята подумали-подумали и отпустили Гену.

А другая история случилась, когда мы снимали картину «Пядь земли» – о войне. Пиротехником у нас был Гена, а оператором... Назовем его просто Юра. Это был очень худой грузин, на всем теле которого росла просто невероятная шерсть. И когда он раздевался, то создавалось впечатление, что он одет в огромный черный мохеровый свитер.

И вот на танкодроме в Тирасполе стали пробовать взрывы – обстрел батареи.

– Гена, – командует оператор. – Давай попробуй хороший взрыв.

А земля была твердая, как бетон. Гена что-то зарядил, подключил, за бугром пукнуло, и несколько кусков этого самого грунта взлетели вверх. Юра говорит:

– Гена, разве это взрыв? Сделай настоящий, я тебя прошу!

– Сейчас, сейчас, сейчас...

Опять – бум! – и два куска полетели вверх. Юра стал кричать:

– Гена, ты пиротехник или кто? Ну сделай настоящий взрыв!

– Сейчас, – сказал Гена и куда-то пошел. Через некоторое время возвращается с

полными ведрами воды, уходит за бугор и возвращается с пустыми. И так несколько раз. Я говорю Збруеву, с которым лежал неподалеку:

– Саш, мне что-то это не нравится... Что-то Гена затеял.

– Мне тоже все это подозрительно, – говорит Збруев. – Давай-ка отползем в стороночку.

А Юра кричит нам:

– Эй, вы! Снимаетесь в военной картине, а боитесь. Труссы!

И в это время раздался милый интеллигентный голос Гены из-за бугорка:

– Я готов...

Что-то недоброе было скрыто в этой интонации.

– Давай!

Взрыва не было: с каким-то жутким шелестом из-за этого бугра возник огненно-черный столб, который стал разрастаться в огромный гриб, и пошла невероятно горячая волна. Мы врылись со Збруевым в землю, хотя лежали относительно далеко от взрыва. И в это время раздался дикий-дикий вопль. Мы обернулись и увидели, что Юры на его месте нет. И тут увидели в недалеком

кустарнике пробитую просеку, которой раньше не было.

– Знаешь, – говорю Збруеву, – это пробил Юра. – И мы побежали по этой просеке.

Чувствую, пахнет паленой шерстью. Дело плохо. В конце просеки мы увидели стоящего на коленях Юру, на котором не было его знаменитого «свитера». А до этого он сидел с нами по пояс обнаженным, потому что было очень жарко – около 45 жары. А мы со Збруевым снимались в танке, так там вообще нечем было дышать – можно было только свариться. И вот Юра стоит на коленях, а все его тело покрыто желтой корочкой, и он страшно пахнет паленой шерстью. Я подошел к нему и сказал:

– Юра, дело твое плохо, это страшный ожог, и мы должны на тебя пописать.

– Что-о? – закричал он. – Я князь и не позволю!..

– Князь не князь, но, если хочешь жить, Юра, придется смириться.

– Но вы же будете трепаться!

– Никогда!

И вот я сейчас рассказываю об этом в первый раз. Мы с Сашей описали его, а он все продолжал ругаться:

– Я князь!.. Я князь!..

И когда мы отвезли его в больницу, нам сказали, что, если бы мы не проделали эту процедуру, его дела были бы плохи. К этому времени его тело покрылось огромным волдырем. Но мы все-таки смягчили его страдания.

А виноват был во всей этой истории наш замечательный пиротехник Гена. Но после этого он скрылся и не появлялся три дня. А Юра просил:

– Как только он появится, скажите мне – я его убью.

Но он его не убил. Катастрофа миновала, появился Гена, они пожали друг другу руки, и все кончилось мирно.

На этой же картине произошло еще кое-что, но Гена тут не был виноват. Режиссер Яшин сидел на маленьком складном стульчике, а Гена проверял взрывы уже среди орудий батарей. Яшин все кричал:

– Давай больше! Больше! Больше!

А мы со Збруевым спрятались за автобусом. Легли и наблюдали за всеми этими действиями. И вдруг раздался страшный взрыв, и мы увидели, как огромная глыба описывает дугу и летит прямо на Яшина. Мы замерли,

услышали такой шмякающий звук, и Яшин подлетел метра на полтора со своего стульчика и дико завопил. Оказалось, что эта глыба упала ему точно на подъем и сломала косточку на ноге. До конца съемок он ходил в гипсе, мы его называли адмирал Нельсон, и он дико злился.

А Гена наверняка вошел в историю «Мосфильма», потому что с ним всегда что-то происходило: ведь настоящие пиротехники не могут жить без происшествий.

Лев Константинович Дуров
БАЙКИ ИЗ ЗАКУЛИСЬЯ
Новые байки

Редакторы
Владимир Вестерман, Кирилл Винокуров
Компьютерная верстка
Светланы Стутновой
Корректор
Мария Иванова

ООО «Издательство Зебра Е»
121069, Москва, Скатертный пер., д. 28
тел.: (495) 202-38-88
e-mail: zebrae@gambler.ru

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Театральные байки существуют, наверное, столько, сколько существует театр, потому что у театра, я думаю, даже не две, а несколько жизней: самая главная, основная – это сцена, вторая – это репетиционный зал, а третья – это замечательная закулисная жизнь. И чем интереснее и сложнее театр, тем интереснее вот эта третья жизнь, которая состоит из баек, из историй, которые во многом составляют лицо этого театра.

